

Гай Юлий Орловский

Риц@рд

Длинные Руки —
лорд-протектор

Новинка
от самого
таинственного
и самого
знаменитого!

Я окружен верными рыцарями,
ми вассалами. За эти годы
дательства, интриг, коварства,
ной хитрости, зато честь
здесь словно р... воз...
Дер...
слово
святая
инкви-
...ция!

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

**Ричард Длинные Руки
– лорд-протектор**

«ЭКСМО»

2008

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – лорд-протектор / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2008 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-29910-2

Я окружен верными рыцарями, надежными вассалами. За эти годы я не видел предательства, интриг, коварства, низменной хитрости, зато честь и благородство здесь словно разлиты в воздухе. Держит слово святая инквизиция, держат слово чести маги, держат его даже огры, тролли и демоны. Мне кажется, им даже в головы не проходит, что можно схитрить, сподличать, предать, и на этом нехило пожить. И только я, пришедший из мира, где все покупается и продается, где предать, ударить в спину, подставить ножку, пройти о трупам – норма жизни, с ужасом понимаю, как трудно такой сволочи быть одним из правителей этого чистого мира.

ISBN 978-5-699-29910-2

© Орловский Г. Ю., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	51
Глава 10	57
Глава 11	61
Глава 12	65
Глава 13	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – лорд-протектор

Часть 1

Глава 1

Леди Лоралею под усиленной охраной доставили в спешно выделенную для нее палатку. Я проводил отряд угрюмо-властным взглядом, сердце тревожно ноет, как дерево со снятой корой, чувствительное даже к легкому ветерку.

Лорды поглядывают на меня с неодобрением. Кажется, уже многие с затаенным дыханием ждут, когда же сдуется непобедимый Ричард Длинные Руки! Эти истошные вопли, что утих, завял и даже лопнул – слышу давно, и такое все громче, а я всего лишь отлучился на Юг, потому на Севере обо мне ничего не слышно. Мол, ну не может человек идти так долго без поражений! Все уходят на покой после двух-трех громких побед. Лучшие из лучших, удачно стартовав, затухали после пяти-шести походов...

Это другие не могут, подумал я злобно, перевел дыхание и постарался расправить спину. Я вам, гадам, еще покажу! Еще долго придется кусать локти и бессильно пищать под моим тяжелым сапогом с золотыми рыцарскими шпорами, что вот уже окончательно, совсем окончательно сдулся!

Голос барона Альбрехта ворвался в мои мечущиеся, как стая воробьев в горящем сарае, мысли:

– Сэр Ричард, но что с этим прекрасным призом?

Я огрызнулся:

– А что вам непонятно?

– Многое, – ответил он нейтральным голосом. – Лорды, может быть, и скажут спасибо... потом, когда-нибудь, может быть... хотя и не верится в такое, но вам самому нужны эти заботы?

– Мне вообще-то никакие не нужны, – огрызнулся я. – Я натура беззаботная и необремененная. И прожил бы без забот и нагрузок, если бы не криворукие. Одна криворукость, куда ни плюнь. Что делать, что делать!.. Да выдать ее замуж за стратегического противника! Хорошо бы за Гиллеберда... Тот еще гад.

– Женат, – сообщил сэр Растер деловито. – И жена у него в порядке. В смысле, вторую и близко не подпустит. Разве что совсем кривую какую... Нет, и кривую не подпустит. Кривые – они в одном кривые, в другом совсем наоборот...

Я отмахнулся.

– Да это так, мысли вслух. Пока препроводите в какой-нибудь замок. Не оставлять же в лагере... Мужчины взбесятся. Гормоны у нее такие, что ли? А там придумаем. Других дел выше крыши.

Растер перекрестился и спросил опасливо:

– А может, эта женщина – сам дьявол? Ишь, два таких разумных лорда сошлись в никчемной кровавой резне!

Сэр Норберт пробормотал:

– Но дьявол вроде бы самец? Да еще какой...

В его угрюмом голосе послышалась зависть. Растер ликующе воскликнул:

– Вы что, не слышали, дьявол часто принимает женский облик, чтобы сбивать с пути праведного отшельников и аскетов?.. и таких праведных рыцарей, как вот вы, сэр Норберт?

Норберт буркнул:

– Не слышал. Что, правда?

– Почитайте труды святых отцов!

– Как же, как же, – пообещал Норберт, – обязательно почитаю. Непременно. Как только, так сразу... И что там в тех трудах? Барон, вы человек ученый, вы тоже читали?

– Естественно, – откликнулся Альбрехт невозмутимо и указал на Растера: – Как и наш дорогой сэр Растер: от корки и до корки!

Норберт в изумлении повернулся к Растеру:

– И что там?

– Интересно, – сообщил сэр Растер значительно. – Это ведь Священное Писание, а не... словом, ага. Я, правда, буквы все пропускал, но картинки посмотрел, посмотрел! Битвы всякие, замки, кони... Все понять можно, если всматриваться. А насчет дьявола я вам авторитетно скажу, если он даже козлом перекидывается, то почему не женщиной? Чем женщина хуже?

Норберт пробормотал:

– Козел – тоже мужчина, все мы козлы, если уж... но женщиной... гм...

Растер ахнул, вытаращил глаза.

– Сэр Норберт, а как же содомия? Дьявол на то и дьявол, что ему без разницы!.. Так что вполне, вполне дьявол может перекинуться женщиной. Ему ж не для удовольствия, это работа у него такая – пакостить человеку! А проще и легче всего человеку пакостить – прикинуться женщиной. Говорит же старинная мудрость, запечатленная в древних рукописях: Бог создал три зла: бабу, черта и козла.

Все трое, даже барон Альбрехт, перекрестились, дружно поплевали через плечо и потрогали амулеты, соединив христианство, язычество и черную магию, ибо белой, как известно, не бывает.

Сэр Растер подумал и сказал твердо:

– Нет, это никакой не дьявол! Это настоящая женщина. Подлинная.

Норберт спросил с недоверием, умственные способности Растера ставит не слишком высоко:

– Почему так решили?

– Мудрые люди говорят, – ответил тот с тяжеловесной обстоятельностью, – что где дьявол сам не сможет, туда женщину пошлет! Ему не надо перекидываться женщиной, это все враки. Настоящая женщина всегда искуснее дьявола.

Я слушал с раздражением, о чем бы мудром и высоком речь ни зашла, всегда перейдет... перейдем на баб-с, такое нужно пресекать вовремя, но тут и сам заслушался.

– Все! – сказал я решительно. – Жаль, моя крепость для жилья еще не очень, так что леди Лоралею надо разместить поближе к нам, но в пристойном месте.

Растер подумал, предложил рассудительно:

– Тогда в замке Кнаттервиль. Он небольшой, но там уютно и чисто.

– Кнаттерфель? – переспросил я.

– Нет, – поправил он несколько удивленный, – Кнаттервиль.

– А-а-а, – сказал я, – тогда ладно.

– Что-то не так?

– Все так, – ответил я. – Вези в Кнаттервиль. Надеюсь, там уютнее, чем в том проклятом... Все время гроза громыхала да покойники вылезали... Главное, что это близко к нам и далеко от графа Арлинга и барона Кристофера. В том замке содержать под охраной.

– Усиленной, – подсказал барон Альберт.

– Усиленной, – повторил я автоматически. – А у нас другие дела. Великие! А женщины к великим никаким боком.

– Боком – это да, – подтвердил Растер знающе. – Боком это вообще непонятно что за выверт. Я и женщин таких не видел...

Они снова начали о бабах, а я поехал готовить войско в обратный путь.

Под усиленной охраной леди Лоралею временно перевезли в Кнаттервиль, замок, по отзывам, маловат и хил, но сейчас нет войны, а леди Лоралея пробудет там недолго, пока не решу ее судьбу. Надо будет посоветоваться со знатоками вроде Растера и Альбрехта, как лучше поступить и что сделать, дабы интересы всех были учтены.

Или задеты в наименьшей степени.

Как я понимаю, интересы ее родителей можно вообще не учитывать. С тех пор, как она пошла по рукам, они наверняка махнули на нее рукой. А то и перекрестились за ее спиной.

На всякий случай я велел, если есть необходимость, укрепить ворота и увеличить стражу в ключевых точках на стенах.

Барон Альбрехт вдогонку распорядился отремонтировать стену, я поблагодарил его мысленно: хоть кто-то берется отдавать неприятные хозяйственные приказы помимо меня, вечного эксплуататора.

Я в перевозке этого факела войны не участвовал, не по чину гроссграфу такой фигней заниматься. С частью войска сделал марш-бросок, к своей крепости.

Подсвеченные желтыми огнями облака плывут очень медленно, зато плотно, как стадо пасущихся овец. Солнце проглядывает редко, как раз в такое мгновение мы увидели далеко впереди мою крепость: вспыхнула под прямыми лучами, словно игрушечный замок, выточенный из цельного куска янтаря.

А ведь в самом деле из цельного куска, мелькнула мысль. Только это не янтарь, а перестроенный не то гранит, не то вообще нечто, лишь напоминающее камень.

Крепость приближалась, росла, и яснее становились ее исполинские размеры, где во внутреннем дворе легко поместится немаленький город.

Народ высыпал навстречу с ликующими воплями, я улыбался и отечески поводил по воздуху рукой. Что означает этот жест, не знаю, но видел, что так делал Барбаросса.

Бобик унесся инспектировать кухню, Зайчик ушел за конюхами, те шепотом сообщили ему, что припасли горсть гвоздей и полдюжины сломанных подков. Я, на ходу в свои апартаменты, велел вызвать Миртуса. Когда он прибыл, я строго поинтересовался, составил ли он по моей просьбе – да-да, просьбе! – подробнейшую карту с опасными для человека местами, где либо обитают опасные твари, либо там что-то коварное, вроде Зыбучих Камней, скукоженных долин, Гиблых Рощ, исчезающих озер, просто огненных трещин, к которым лучше не приближаться, а также всяких подозрительных сел, где либо могут водиться оборотни, либо все жители там оборотни, перевертни и волкодлаки.

– Все готово, ваша милость, – заверил Миртус. – Я только ждал, когда вспомните и возалкаете.

– Что за возалкаю? – спросил я с подозрением.

Он чуть смутился.

– Это я стараюсь осваивать и церковные слова. Священники любят, когда вот так...

– Возалкаю, – сказал я твердо, – не то слово. Подозрительное какое-то. Возжелаю – другое дело. Даже возизволю! Ну вот, возжелал и возизволил. Давай!

– Сейчас принесу...

Карту опасных мест я изучал куда внимательнее, чем любой бы из рыцарей. Не потому что трус, хотя свою шкуру очень ценю и не хотел бы лишний раз получить молотком по пальцу, но мне придется чаще других мотаться из конца в конец Армландии, а на Зайчике с разгону могу вскочить в какую-то большую неприятность. Хотя, конечно, могу и проскочить...

– Ну лучше не вскакивать, – проговорил я вслух. – Спасибо, Миртус! Как дела у магов-естествоиспытателей?

Он торопливо поклонился.

– Ваша светлость, некоторые с помощью магии сна себя лишили!

– Зачем?

– Чтобы подольше заниматься работой.

– Чревато, – изрек я. – Быстро перегорят. Пусть соблюдают рабочий режим. Передай как пожелание, а не приказ! Я хочу, чтоб их хватило надолго. А то есть такие, что сперва с головой в работу, а потом бросают все и по бабам, и по бабам... Закон маятника, не слышал?

– Нет, ваша светлость.

– Услышишь, – пообещал я. – Сволочной закон. Так что береги наших магов-естественников.

Он снова поклонился.

– Все сделаю, ваша светлость.

– Но не дави, – предупредил я. – Наука не терпит насилия.

Он попятился, кланяясь, как раб перед лицом восточного деспота. Я морщился, Миртус никак не может себя найти в новой роли, предпочел бы сдать властные полномочия, но я теперь понимаю тех высоких политиков, которые держат на руководящих постах не самых способных, а самых преданных.

Едва он скрылся за дверью, я хлопнул в ладоши. Прибежал оруженосец, поклонился быстро и преданно, но с достоинством верного щенка.

– Мое повеление, – сказал я. – Нет, просьба, понял?.. Пригласишь в главный зал сэра Растера, барона Альбрехта, не забудь пригласить отца Дитриха, сэра Максимилиана, барона Варанга, графа Ришара...

Пока я перечислял наиболее отличившихся соратников, военачальников и знатных лордов, что приняли участие хотя бы в заключительном походе, он поклонился и сказал просительно:

– Может быть, в малом зале?

– А стола здесь еще нет, как погляжу. Будем пить, как на привале?.. Но это поправимо, я сам распоряджусь и прослежу. А что в большом?

– Ничего, – признался он. – В смысле, пусто.

– А в малом?

– Тоже ничего, но туда легче принести стол и кресла. Все поместятся. И уютнее будет.

– Ну, смотри, – сказал я милостиво и в то же время с угрозой. – Старайся! Все будешь делать хорошо, сенешалем поставлю. Главное, не бойся проявлять инициативу. Как вот щас...

Через час в холодный и пока что абсолютно голый зал входили мои орлы, довольные и гордые, одни в роскошных праздничных одеждах, другие в практичной походной, что хороша на все случаи жизни, а Растер так и вовсе явился, гремя и бряцая железом на плечах, голове, поясе и в наколенниках.

Наконец явились Варанг и Ришар, уже в походной одежде, готовые к отъезду в свои земли, пришел бодрый и всегда готовый к драке Митчелл. Отец Дитрих вошел последним. У него все поспешно испросили благословения, он перекрестил всех, на меня поглядывал вопрошительно.

Я указал на середину зала.

– Первый стол уже сколотили, сейчас принесут. Сидеть пока что придется на табуретках.

Но мы ведь рыцари, заноза в заднице для нас не смертельна. Прошу садиться!

Барон Варанг остановился, осматривая стол и стулья.

– Где садиться?

Я отмахнулся.

– Пока табличек не заготовлено. Садитесь, кому где табуретка покажется надежнее. Или где заноз меньше.

– А вы, сэр Ричард?

– Сяду туда, где останется место, – ответил я сварливо. – Барон, мы судьбы вселенной решаем, а вы о каком-то гребаном этикете! Мы же мужчины, женщин нет, о каком этикете речь?

Граф Ришар сдержанно усмехнулся, на меня поглядывает с любопытством, словно видит впервые. Отец Дитрих перекрестился.

– Да, сэр Ричард прав, – сказал он поспешно, – глубоко прав. Это великое счастье, что здесь одни мужчины.

– Можно даже перднуть, – сказал Растер счастливо, – а не душить шипуна. Что-то в нашем чисто мужском рыцарском братстве есть, есть великое, благородное и свободное...

Барон Альбрехт брезгливо повел носом, вздохнул и пересел на другую сторону зала. Сэр Норберт помотал головой, громко зевнул.

– Простите, – сказал он виновато. – Только собирался соснуть...

Отец Дитрих с неодобрением покачал головой.

– В полдень? Сын мой, всякий повод для лени есть повод для греха.

– Я трое суток не спал, – возразил Норберт. – Чуть с коня не упал...

Растер поддержал одобительно:

– Я слышал, слышал, что вы тогда сказали! Не стесняйтесь, сэр Норберт! Богохульство дает такое неслыханное облегчение, какого не может дать никакая молитва.

Я похлопал ладонью по столу. Все посерьезнели, повернули головы. Я оглядел их, стараясь выглядеть старым и мудрым.

– Когда человеку, – заговорил я веско, – лежать на одном боку неудобно – он перевертывается на другой, а когда жить неудобно – только жалуется. А ты сделай усилие: перевернись! Мы вот взяли и перевернулись... Заодно и Армландию перевернули.

Отец Дитрих кивнул.

– Хорошо сказано, сын мой. Хотя я где-то это уже и слышал.

Я сказал уязвленно:

– Мудрые мысли приходят не в одну-единственную голову на свете, отец Дитрих. Но не будем отвлекаться. Наша миролюбивая Армландия никому не грозит, а сама занимается мирным трудом и... сосредотачивается. Нам нужно сперва зализать раны войны... к которым настолько привыкли, что вроде бы уже и не раны. Одновременно займемся воинской реформой, существующая система никуда не годится. Армландской армии, как таковой, вообще-то и нет, хотя воюем постоянно. Следующим шагом будет некоторая осторожная экспансия нашего влияния... Конечно, культурная, а вы о чем подумали?

Растер посмотрел с непониманием.

– Что за... экс... канция? На кого нападём?

– Меня здорово раздражает этот Хребет, – заявил я. – С одной стороны, защищает от вторжения южных соседей, там довольно крупное королевство Кейдана и... гм... богатое.

Растер оживился.

– Богатое? Вы хорошо смотрели, сэр Ричард?

– Хорошо, – заверил я мстительно. – Но, увы, в нашем мире богатство обычно идет рука об руку с могуществом. Так что это мы должны благодарить Хребет за его защиту, а не кейдановцы. Однако я придумал, как сделать так, чтобы мы могли выходить к океану свободно, а вот оттуда к нам... только через наши таможни.

В зале воцарилась тишина. Все смотрели с ожиданием в глаза, Растер спросил прямо:

– Как?

– По зрелому размышлению, – заявил я веско, – Хребет я решил не убирать. Пусть стоит. Это значит, граница на замке. Но один таможенно-пропускной пункт надо сделать. В смысле, прорубить окно к океану. По сути, ни одно великое государство не считается великим, если не имеет доступа к большой воде.

Все смотрели ошарашенно, барон Варанг и граф Ришар сблизили головы и тихонько переговаривались, часто посматривая на меня. Митчелл помалкивал, он вообще ни над чем не ломает голову, а Растер спросил обалдело:

– К-какой воде?

– К океану, – объяснил я любезно. – Или к морю, что то же самое, если море – море, а не большое озеро.

Растер потер широкой ладонью каменный лоб, там заскрипело, словно водили наждачной бумагой. Глаза стали совсем озадаченными.

– Нет... – промычал он, – я это... не понял. Как прорубить окно к океану? Я понимаю одно: с мечом в руке, а лучше с топором, прорубиться через ряды врага...

– Мы уже строители, – объяснил я. – Давидостроители и реформаторы. И сменим боевые топоры на плотничьи... или чем там они камень рубят? Конечно, иносказательно сменим. Вы ж Библию, говорите, читали, а там одни иносказания, хрен что разберешь!.. Так что вам все понятно. Ну, почти все.

Глава 2

Они смотрели с непонимающими лицами, а я жестикулировал коротко и скупое – так выгляжу энергичнее, лорд всегда должен видеть себя со стороны, как в зеркале, а еще следил за всеми разом и за каждым в отдельности – такова судьба того, кто наверху.

Барон Альбрехт осторожно обронил:

– Сэр Ричард, вы задумали расширить существующий Перевал?

– Углубить, – осторожно поправил Макс и посмотрел на меня с обожанием. – Разве такое возможно?

– Человек все может, – заверил я. – Такие дурости иногда творит, на голову не лезет... Но мы углублять не будем. Мы вообще-то по натуре не углубленцы. Пусть алхимики и всякие грамотные углубляются, а мы пойдем другим путем. Зачем нам весь Хребет перерезать ущельем? Для эстетики, как египетские пирамиды? В то же время существующий Перевал не слишком популярен из-за некоторых трудностей при переходе...

Барон Варанг спросил с интересом:

– И что вы задумали?

– Пробить тоннель, – объяснил я весомо. – Таким образом будет прямой доступ к королевству Кейдана. А самое главное – прорубим окно в... словом, к океану. Тоннель будет начинаться здесь, в Армландии, так что все северные королевства, которые восхотят получить допуск своим товарам на Юг, должны будут платить нам за транзит. А также восточные и западные. И за топтание земли нашей, естественно.

Он покачал головой.

– Я опущу сложности, связанные с прорытием такого тоннеля, это займет лет семь-сот-восемьсот, скажу только, что с той стороны тут же хлынут армии южных королевств.

Я вскинул ладони вверх и заулыбался.

– Во-первых, на той стороне только одно королевство, а дальше океан. Во-вторых, небольшую, но очень весомую часть тех земель занимает герцогство Брабант...

– И что?

– Я в нем наследник, – ответил я скромно, – мой голос там тоже что-то значит. К тому же герцогство расположено так, не стану вдаваться в тонкости, что вторгнуться в него – гиблое дело.

Граф Ришар на глазах посерьезнел, задумался, Варанг помалкивал, как и остальные, только барон Альбрехт громко вздохнул, лицо омрачилось.

– Сэр Ричард, скажу честно, у вас велик авторитет благодаря одержанным победам. Но ни один лорд не даст и человека для этих, как вы их называете, общественно-полезных работ. Камень придется ломать десяткам поколений! Увы, у всех есть более неотложные задачи.

Сэр Норберт сказал мечтательно:

– Тоннель под Хребтом пробить под силу только великим магам.

– Таких ныне больше нет, – согласился отец Дитрих и перекрестился. – К славе Господа и силе Его.

Я сдержанно и примирительно улыбнулся, дескать, это были только мысли, а не решения, тем более – не указания, так что не забывайте наливать кубки, у нас пир, после которого все разъезжаются по своим землям и владениям.

И пир продолжался, а я, улыбаясь и поднимая кубок при каждом очередном тосте, напоминал себе, что у гроссграфа власти никак не может быть больше, чем у короля, а короли не в состоянии принудить феодалов даже в войне участвовать столько, сколько нужно. Или сколько желает король: две недели, как записано в хартии вольностей лордов, – и все! В разгар войны такой лорд сворачивает знамена и со всем своим войском преспокойно отправляется домой.

Тем более не смогу вывести ни народ, ни лордов на великую стройку. Каждому свой огород ближе. Великие свершения возможны, когда вся власть в руках просвещенного тирана. Петр Великий так строил город своего имени, дядюшка Джо рыл Беломор-канал, Волго-Дон, прокладывал БАМ, а начало положил Айвэн Террибл, придумавший опричнину, прообраз славного Чека...

Я вздохнул, я же демократ, мне даже думать о таком нельзя, хоть и очень хочется, и весьма сладостно представить всю власть в своем недрогнувшем кулаке: все запищите у меня, сволочи!

Слуги неслышно убрали посуду и сменили скатерть, для пожирания сладкого нужны золотистые и оранжевые цвета, музыканты заиграли что-то легкомысленное, но сэр Растер сердито цыкнул, чтобы умолкли: из-за дурацких трелей не слышно благородного чавканья.

Я мучительно подсчитывал свои ресурсы. Если вложить все золото и драгоценности, что у меня остались, смогу оплачивать работу довольно большого числа людей по разбору завалов.

Но на мне еще и крепость, опора Армландии, не крепость – голый скелет, на который нужно и мясо наращивать, и внутренности чем-то заполнять. Если брошу золото на раскопку тоннеля, не смогу закупать продукты, кожи и все необходимое для функционирования сложного организма выстроенной мною крепости.

Слуги снова наполнили лордам кубки, сэр Растер сразу сделал мощный глоток, проверяя, из того ли подвала подали лордам, а то себе могли припасти выдержанное, а хозяевам подать бурду, мол, уже перепились, не разберут. Барон Альбрехт поглядывает на меня, но помалкивает.

– Хорошо, – ответил я со вздохом. – Я понимаю, когда война, я – главнокомандующий, ну а так я всего лишь один из лордов. И хозяйствую на своих землях сам... Что ж, постараюсь решить эту проблему в одиночку. Тем более что вход в тоннель начинается на моей земле. Но, предупреждаю, в этом случае тоннель будет моей личной собственностью.

Все тут же поспешно и с облегчением согласились, только барон Варанг заметил с сочувствием:

– Сэр Ричард, нам очень не хотелось бы, чтобы вы надорвали силы в каком-то безумном предприятии.

Я прищурился.

– Полагаете, пришло время от меня откреститься?

Он ответил с легкой улыбкой:

– От этого предприятия отрекаюсь.

– Баба с воза, – ответил я, – телеге легче.

– Надорветесь, – сказал он серьезно. – Я же говорил, наступит момент, когда успехи вскружат голову. Настолько вскружат, что решите, будто вам все по плечу...

Я заставил себя засмеяться как можно более легко и беспечно.

– Вы знакомы с бароном Альбрехтом? Вот он предупредил, что он со мной лишь до тех пор, пока мне сопутствует успех. Для меня это вполне приемлемое соглашение, сэр Варанг.

Все оглянулись на Альбрехта, тот застыл на миг с гусиной лапой в руках, но, видя что все внимание приковано к нему, не растерялся, с достоинством поклонился.

– Сэр Ричард, я подтверждаю сказанное, однако искренне желаю, чтобы вы продержались как можно дольше. Это и в моих интересах.

– Думаю, – ответил я, – вам еще придется ахнуть.

По его лицу видел, что если и ахнет, то от жалости, видя, как падаю в яму, что вырыл себе сам, но он смолчал и удалился в себя, даже за столом и на пиру подтянутый и строгий, наблюдающий за собой со стороны, сверху и вон с того балкона.

Граф Ришар загадочно улыбнулся, но снова смолчал. Я уже слышал, как он сообщил ближайшим рыцарям, что это его последняя кампания, отныне повесит меч на стену и будет разводить коней.

Отец Дитрих всякий раз таинственно улыбался, поглядывая на меня, наконец сказал громко и торжественно:

– Сэр Ричард, я для вас лично получил послание из Ватикана...

– Ого, – вырвалось у меня. – Быстро как!

Рыцари оживились, вытягивали шеи, рассматривая обычно молчащего Великого Инквизитора. Он загадочно улыбнулся.

– С оказией. Иногда удается в самом деле быстро.

Он бережно развернул шелковый платок с вышитыми вручную непонятными значками по краям. В центре блеснул небольшой крестик на тонкой цепочке.

– Это крест святого Антония, – произнес он с великим почтением. – Вообще-то церковная реликвия, Ватикан не любит такие выпускать из рук...

– Так чего же? – спросил я опасливо.

Он сказал строго:

– Во-первых, вы сделали очень много для церкви, отпечатав Библию. В Ватикане это оценили даже выше, чем я ожидал. Там в самом деле мудрые головы, заглядывают далеко вперед. Есть целый отдел таких особых священников, что только заглядывают вперед... Во-вторых, вы в самом деле на переднем крае борьбы с Врагом. Вам понадобится защита.

Я бережно и с почтением принял обеими руками платок с крестиком на нем. Рыцари шумно захлопали в ладоши, отец Дитрих взял реликвию и повесил мне на грудь, упрятав деловито под рубашку.

– Он против чего? – спросил я.

– Только от нечисти, – ответил отец Дитрих с легким вздохом. – А сейчас как раз наоборот... на первый план выходит борьба с людьми, которые тоже в какой-то мере нечисть. На них, увы, сила святого креста не действует. Разве что как укор.

– Да уж, – согласился я. – Есть человек нечисть, то это всем нечистям нечисть. Любая нечисть удухнет от зависти!..

Вечером, после шумного пира в честь завершения объединения Армландии, некоторые лорды, в том числе и барон Варанг, сразу же и отбыли, несмотря на близкую ночь, другие остались допировывать. Отбыл и Митчелл, сказав напоследок, что мне стоит только свистнуть, он тут же появится с его разросшимся – слава лорду Ричарду! – отрядом.

Сэр Будакер, в отличие от всех, достаточно церемонно попросил разрешения отбыть в пожалованную ему землю. Этот никогда не забывает скрупулезно напомнить, что это не его земля, а все еще моя, только пожалованная ему в пользование, выгодно отличаясь от остальных, что буквально с первого же дня начинают чувствовать себя не управителями, а полными хозяевами.

– Конечно, – сказал я с готовностью, – конечно, сэр Будакер! Вы сделали очень много. Если бы все так служили Отечеству, у нас была бы держава от можа и до можа. Приводите в порядок земли, я прекрасно помню, вам досталось довольно запущенное хозяйство...

Он скромно улыбнулся.

– Но достаточно обширное, сэр Ричард. Спасибо! И земли там плодородные.

– Вы еще понадобится, – пообещал я. – Возможно, скорее, чем думаете...

Он всмотрелся в мое лицо.

– Из-за женщины?

Я удивился:

– Какой?

– Которую отняли у сэра Арлинга. Или Кристофера, не помню.
Я отмахнулся.

– Я уже и забыл о ней. У меня более грандиозные планы. Теперь моя женщина – Армландия! Прекрасная и гордая, самолюбивая и неблагодарная, но я хочу заботиться только о ней.

Он вздохнул с облегчением.

– Я рад, что ошибся. А то уж подумал...

Я сказал усталым, разочарованным голосом мудрого человека:

– Сэр Будакер, вы же прекрасно знаете, что все женщины одинаковы...

Он серьезно посмотрел на меня с таким видом, словно всерьез ожидает услышать что-то умное.

– Все ли?

– Все, – ответил я решительно.

Он проговорил осторожно, явно колеблясь:

– Ах, сэр Ричард... если бы я не боялся разбередить вашу рану, я бы напомнил...

– Что? – спросил я настороженно.

Он посмотрел с вопросом в глазах, насколько я крепко стою на задних конечностях, сказал мягко:

– Напомнил бы о леди Беатрисе. Вы страдали, сэр Ричард, не отпирайтесь!

Я оцепенел на мгновение, по телу прошла волна, сладкая и болезненная одновременно.

Перевел дыхание и ответил уже медленно:

– Там иначе...

Он покачал головой.

– Насколько? Если все женщины одинаковы?

– Леди Беатриса не женщина, – выговорил я наконец. – Я увидел в ней личность. А женщины в самом деле одинаковы все. И потому нам проще пойти воспользоваться служанкой, чем сперва исполнить хоть какой-то сложный и ненужный, если честно, но почему-то обязательный ритуал с ее госпожой. Я был в непуганом краю дураков, которым ничего другого в жизни не осталось, как заниматься этим самым делом. Так вот они, чтобы как-то заполнить пустоту... ибо человек нуждается в чем-то выше, чем простое совокупление!.. придумали сложнейшие ритуалы по обольщению, соблазнению... потому что в конце всех этих ухищрений всех нас ждет простой и незатейливый коитус, как у собак. Так вот, чтобы не как у собак, долго и очень изощренно сперва играют, приближаясь к этому простенькому коитусу мелкими шажками, распаляя себя ожиданием!

Он пробормотал:

– Непуганом краю дураков... Хорошо звучит! Но не поверю, сэр Ричард...

– Во что?

– Что вы их не поугали.

Я отмахнулся.

– Попугал, как без этого? И не хотел пугать, но так получилось. Из меня пугатель куда лучше получается, чем государственный деятель с мудрым взором и отеческой улыбкой. Так вот женщины ниже пояса все одинаковы. Как и мы, кстати. Различия начинаются выше.

Он изрек глубокомысленно:

– Да, сиськи у всех разные...

– Я не о сиськах, – сказал я сердито. – Хотя, конечно, сиськи – это важно. Сиськи – лицо женщины. Но если она личность, то даже размер сисек как-то уходит на другой план. Женщину начинаем ценить за то, что у нее выше женщины! Как и нас ценят не за то, какой размер у нас в штанах... Господи, мы даже жеребцов ценим за их силу, выносливость, скорость, а уж людей? В леди Беатрисе меня поразила сила духа... в такой маленькой и хрупкой женщине дух, как у исполина! У меня душа рвалась... и до сих пор капает кровью, когда это хрупкое

существо сталкивается с трудностями и преодолевает их сама, не желая быть в роли всего лишь женщины, игрушки в руках сильных мужчин! Только такие достойны любви и восхищения. А те, которые просто женщины... Ну, не знаю, для гаремов разве что?

Он улыбнулся, отступил с поклоном.

– Отбываю в спокойствии. Как только понадобится, шлите самого быстрого гонца!

– Спасибо, сэр Будакер. Я в вас уверен. И вы в свою очередь можете на меня полагаться.

Глава 3

В типографии сильно пахнет смолой, красками, вареной бумагой, ее готовят из тряпок, мощно и безостановочно потрескивает пресс. Несколько могучих мужчин, обнаженных до пояса, ходят по кругу, как волы на мельнице, поворачивая гигантское колесо с выступающими рукоятями.

Я сделал знак, чтобы работу не останавливали, мне кланялись, не отрывая рук от колеса, навстречу зашел Миртус, тоже кланяясь часто и пугливо моргая.

– Натворил что? – спросил я негромко.

Он помотал головой.

– Нет-нет, ваша светлость! Все хорошо, даже опережаем график!

– Так чего ты какой-то?..

Он спросил жалко:

– Какой?

– Не такой, – ответил я. – Нет в тебе фильдеперсовости!

– А что это?

– Не знаю, – признался я. – Слышал как-то... Слово больно красивое. И таинственное, как марципан или еще что-то волшебное.

Он понурился.

– Какой из меня фильдеперсовый?

Я сказал с неудовольствием:

– Миртус, все хочу спросить, что ты какой-то тихий и пришибленный? Никогда от тебя не услышишь ни возражений, ни даже подсказки.

Он ответил с поклоном:

– В старых книгах сказано: если ты мудр, не противоречь богачу, правителю, ребенку, старику, аскету, мудрецу, женщине, дураку и учителю.

Я добавил нравоучительно:

– И гроссграфу. Но обсуждать с ним и спорить можешь и должен! Даже обязан, это твое гражданское право... Надо будет как-нить на досуге составить свой кодекс Юстиниана. Не перечить, а спорить! Спорить можно, понял?..

Он переспросил несколько растерянно:

– А как это: спорить, но не перечить?

Я подумал, отмахнулся.

– И я пока не вижу разницы, но она ж есть? Есть. Должна быть. Так что право спора за тобой. В споре ты можешь мягко поправить меня... но только мягко, морда!.. деликатно указать на более короткий и менее ухабистый путь.

Он кивал, лицо становилось все несчастнее.

– Да-да, ваша светлость...

– Ты же теперь не просто забитый маг, – напомнил я строго, – от которого требуют побыстрее переплавлять свинец в золото. Ты уже руководитель!

Он улыбнулся искательно, на меня посматривал снизу вверх вовсе не из-за нашей разницы в росте: будь он на коне и тогда бы ухитрился смотреть снизу.

– Ваша светлость, – произнес он умоляюще, – не мое это... Вы пригласили инквизиторов, а меня от одного их вида трясет сам не знаю как. Так и кажется, что присматриваются... вот бы пригласили еще и своих магов!

– Так ты ж сам пригласил, – напомнил я. – Куча при-ехала.

Он сказал умоляюще:

– Они тоже не хотят командовать.

– Почему?

– Каждый чего-то стремится добиться в своем тайном... или не тайном деле!

– Ну-ну, – ответил я сварливо, – все дерутся за власть, только вы, чертовы маги, от нее отбрыкиваетесь? Ладно, чё-нить придумаю... Но пока давай руководи. Понимаешь, из тех, кто рвется руководить, не всегда получаются эти... руководители.

Он вздохнул.

– Понимаю.

– Вот я, к примеру, – сказал я, – красавец, умница, весь из себя, а руководить не люблю! Как и ты. Но – приходится. И уже наруководил лучше, чем любители... Надо, Миртус, надо! Будь проще с людьми, и тролли к тебе потянутся.

Теперь я то и дело выезжаю на Зайчике, держа амулет-копалку в опущенной руке, проношу по обочинам дорог, возле приметных утесов и одиноко стоящих древних деревьев. Люди везде одинаковы: домохозяйки прячут деньги в бельеов шкафу между третьей и четвертой стопкой белья, семьдесят процентов юзеров Инета ставят пароль «123456...», а клады закапывают возле приметных утесов недалеко от проезжей дороги.

Сэр Растер охнул, когда вечером я вывалил на середину стола кучу сокровищ, где одних золотых монет на два кувшина, а еще множество драгоценнейших женских украшений.

– Где вы отыскиали?

– По дороге к тоннелю, – объяснил я. – Валяется по дороге, коню пройти мешает! Думаю, надо собрать, а то копыта надколет. Хоть, правда, бабки и высокие.

Он посмотрел вытаращенными глазами.

– Что, прямо на дороге золото?

– Я езжу только прямыми дорогами, – ответил я уклончиво. – Как ворона летит! Бог меня любит, как видите. Как Верховный Паладин ме-е-е-лкого такого паладина. И помогает. Если бы я просил на пропой, думаете, послал бы такое богатство? Самого бы послал, еще бы и напощал в шею.

Он посмотрел опасливо вверх, словно ожидал увидеть во всем грозном блеске Небесного Паладина, но взгляд уперся в неотделанный свод, крепкий, как Хребет.

– Вы завтра собирались осматривать место...

– Не стесняйтесь, – сказал я благожелательно, – да, осмотрю место, откуда начну рыть. Тоннель. Даже – Великий Тоннель. Или Туннель. Кому как нравится, я демократ. Клич я уже бросил...

– Думаете, много народу откликнется?

– Я обещал платить хорошо.

Он подумал, согласился:

– А-а-а. Если еще и платить будете, тогда откликнется много. Прокачусь-ка я с вами!

Я удивился:

– Сэр Растер! А как же насчет попиловать?

Он сказал значительно:

– Пир – святое дело! И самое главное. После походов и битв, конечно. А мы с вами сделаем вид, что в походе. Не зря же вы решили копать этот чертов тоннель?

– Не зря, – согласился я.

– Хитрый вы, сэр Ричард! Настоящий правитель.

– Спасибо на добром слове. Хорошо, только я встаю рано.

Он хохотнул.

– Не раньше меня.

Утром я вскочил пораньше, в окна вливается тугими волнами очень уж бодрящая свежесть, просто чересчур, пупырышки по всему телу. Ступни промахнулись мимо шкуры на

полу, кожу ожег холодный, как лед, камень. Оделся торопливо, в окно видно, как двое вытаскивают бадью из колодца, проползла подвода, полная желтых голов сыра...

Я высунул голову из окна как раз в момент, когда из конюшни неторопливо вышел сэр Растер. На пороге вспыхнул, словно направил десятки зайчиков мне в глаза, доспехи всегда держит начищенными. За ним топает оседланный брабант, спокойный и невозмутимый, как плато, на котором стоит крепость.

Я не успел отскочить от окна, Растер заулыбался и помахал рукой.

– А вы в самом деле ранняя пташка, – крикнул он жизнерадостно. – Я тут заодно покормил и вашего Зайчика.

– Совсем разбалуете, – откликнулся я. – Знаю, что таскаете ему тайком...

– Ну что вы, сэр Ричард! – воскликнул он сконфуженно.

– Знаю-знаю, – сказал я ворчливо.

Кое-как одевшись, перевязь с мечом нацепляя уже на ходу, я выскочил из покоев. За мной вприпрыжку бежали пажи и оруженосцы, стараясь одеть лорда, будто я калека. Я отмахивался, приводя всех в недоумение: в чем другие видят знаки престижа и высокого положения, я вижу совсем другое. Еще бы инвалидную коляску притащили.

Наши кони бодро вынесли нас за ворота, Бобик ликующе бежит впереди, часто с надеждой оглядывается на Растера. С утра солнце палит сильнее, чем на Юге, зеленая долина неуловимо быстро перешла в каменистое плато, а оно сменилось сухим песком. И хотя далеко на горизонте видны зеленые холмы, но здесь раскаленные пески, ветер усиливается, я чувствовал, что поднимается буря.

Растер тоже тревожно оглядывался, но голос его прозвучал бодро:

– Нам вот только добраться до тех отрогов...

– И что?

– Там всегда затишье!

Я смерил взглядом расстояние, совсем близко, а за спиной уже небо красное и тяжелое от тучи песка.

– И что, в самом деле?..

– Увидите!

Его брабант идет тяжелым, но рассчитанным на долгую дорогу галопом, выносив, как жилистый черт, Бобик убежал далеко вперед, Зайчик держится близ коня Растера, ревниво сравнивая высоту его холки со своей.

За спиной туча становилась все ближе и ужаснее. Я чувствовал ее тяжесть, пригнулся к конской гриве, рядом точно так же наклоняется Растер, но лицо спокойное, а потом он распрямился, его брабант перешел на шаг, хотя все еще не в мыле.

Я оглянулся, туча не только осталась позади, но и как будто начала рассеиваться, подобно стае саранчи. Растер не оглядывается, все знает, больше зыркает по сторонам, неожиданностей не любит, хотя чего ж тогда напросился со мной, странное это существо – человек...

Дорога резко вильнула в сторону. Я очнулся от дум, повернул голову, но в той стороне ни обрыва, ни высоких скал, ни опасного скопления деревьев...

Растер ухмыльнулся.

– Не там ищите, сэр Ричард!

– А где искать? – спросил я.

Он кивнул в сторону, на то место, которое объезжаем так старательно.

– Отсюда плохо видно. Вон вскарабкаемся на тот холмик, оглянетесь... Красота.

– А отсюда нельзя? – спросил я.

– Можно, – ответил он, – только рассмотрите плохо...

– Большое видится на расстоянии? Ладно, а если поеду напрямик?

Он пожал плечами.

– Приедете быстрее.

– Так почему же...

Он снова пожал плечами.

– Одни верят в дурные приметы. Другие... так, на всякий случай. Долго ли объехать?

Я дождался, когда дорога взобралась, правда, не на холм, но все же в высокую развилку между холмами, повернулся в седле. Сердце охнуло и остановилось.

Гигантская зеленая фигура лежащей на боку женщины метров так сорок-пятьдесят в длину, пропорциональная, юная, каждая деталь проработана с такой тщательностью, словно все высечено из зеленого мрамора, даже блеск вижу, хотя налетел ветерок, по зеленой коже прошло движение, и я потрясенно понял, что это создано из растений. Ну как садовники подстригают кусты в виде шаров, а кто поискуснее – в образе птиц, животных...

– Это... что же... – прошептал я, сглотнул слюну и уточнил: – Как давно?

– В точку, – ответил Растер грустно. – Никто не знает.

– То есть...

– Да, сотни лет проходят, а то и тысячи, по этой долине проносилась тяжелая конница, вбивая в землю все, даже камешки, но через несколько дней... это вот... оживало...

– А почему заброшено? Такая красота!

Он пожал плечами.

– Сэр Ричард, людям корм добывать надо, а не красотничать. Красота – это... когда всего в избытке. Каждый в первую очередь опасается, а не будет ли худа? Потому и обходят на всякий случай.

Я еще оглядывался, но мы въехали в лес, Растер весел и разговорчив, восхищался пташками, спрашивал, как мне вот эти зяблики или эти дрозды, а я кивал и говорил по-гроссграфьи солидно, что да, замечательно. Я вообще-то из всех птиц знаю воробьев и голубей, да еще видел уток с утятами как-то в пруду, моя подружка даже булку щипала и бросала им. Но, оказывается, в лесу живут скопа, сапсан, стрепет, филин, совы, сычи, пустельга, балабан, красавка, а за лесом в кустах, а то и прямо на земле гнездятся дрофы, кроншнепы, байбаки, луни, цапли... если я ничего не попутал, потому что сэр Растер сыпал названиями, а я даже не соображал, о птицах говорит или о каких-то сусликах.

Все это, оказывается, что-то предсказывает своим чириканьем и возней: засуху, дожди, сильный ветер, неурожай, мор, войну и многое другое, нужно только уметь слушать, а сэр Растер умел, умел, и всю дорогу толковал, что ждет Армландию. Я слушал невнимательно, Армландию ждет лишь то, к чему приведу ее я, а меня самого пока что ведут, как бычка на веревочке.

Растер не понимал, почему выбираю такие дороги: то хорошо протоптанные, то прут через чащу, но помалкивал: я уже трижды останавливался и говорил, что вот тут в земле золото, и Растер тут же соскакивал и начинал судорожно рыть.

Все клады зарывают недалеко от дорог и в приметных местах, чтобы потом легко найти, но не все дороги сохраняются. Я иногда просто угадывал, где была дорога раньше, Зайчик послушно направлялся туда, у меня в кулаке амулет, из всех свойств которого я знаю только, что он реагирует на спрятанное в земле золото.

Я находил как отдельные, просто потерянные монеты, так и тщательно упрятанные клады в горшках, сундучках, ящичках. Кроме золотых монет обычно немало сережек, золотых украшений, чаще – погнутых, смятых, попорченных, на многих следы торопливых ударов топора, что значит – сдирали с дверей королевских спален или других мест для знатных. Попадают фигурки из золота, означающие либо животных, либо людей.

Наконец удалось наткнуться на целый ларец. Растер быстро, но бережно вытащил его обеими руками, не отрывая жадных глаз, поставил передо мною.

Я поднял крышку, в глаза тускло блеснула груды прозрачных камешков, а под ними, как крупная чешуя, масса золотых монет.

Растер прошептал в восторге:

– Какая огранка!.. им не меньше, чем двести лет! Только тогда так делали...

Я сказал утешающее:

– Не будем чересчур привередливы. Лучше иметь старые подержанные бриллианты, чем не иметь никаких.

Он взглянул на меня с упреком.

– Сэр Ричард, я только хотел сказать, что такие бриллианты еще дороже.

– Пустяки, – ответил я. – Все равно уйдут на оплату работ. У нас нет рабства, всем нужно платить!

Он все еще не мог оторвать взгляда от россыпи бриллиантов, с сочувствием качал головой.

– Так вы, сэр Ричард, никогда не составите себе состояния.

– У человека ничего нет, кроме души, – сообщил я. – Так что все эти состояния... Кто там кричит?

Он прислушался, сказал неуверенно:

– Вроде бы женские голоса...

– Тогда пусть кричат, – рассудил я.

Он немедленно согласился:

– Все верно, от них одни неприятности. Да и ловушка какая-нибудь. Для мыши кладут сыр, для рыцаря – леди... Вы в самом деле оплатите работу копателей тоннеля?

– В самом деле.

– С ума сойти!

– Что делать, за труд надо платить.

– Тогда вам не хватит всего золота Армландии!

– Это на первых порах, – сообщил я. – Потом подоспеют налоги, поборы, взятки, разовьем коррупцию на высшем уровне... Словом, даже рыть не придется, золото сами начнут приносить! Иначе зачем власть?

Бобик примчался, с шумом и треском ломая кусты, нравится вот так, настойчиво совал Растеру огромную рыбину с вздыбленными перьями. Рыба угрожающе разевала рот и пыталась извернуться, цапнуть Адского Пса, но лишь шлепала хвостом по его толстой заднице.

Растер впервые не среагировал, не мог оторвать зачарованного взгляда от бриллиантов, пока обиженный Бобик не ухитрился сунуть добычу так, что рыбина вцепилась Растеру в руку.

Он охнул от боли, когда железо наручника заскрежетало и начало сминаться, как тонкая жесть. Свободной рукой выхватил нож, но лезвие с неприятным скрипом скользнуло по чешуе.

– Палицей, – посоветовал я.

Бобик оставил рыбу висеть на руке Растера, отступил и наблюдал за их игрой с живейшим интересом. Растер, ругаясь и постанывая, опустил руку с повисшим чудовищем на ствол упавшего дерева и тремя сильными ударами кулака в стальной перчатке раздробил ей голову.

– Ничего себе, – сказал он, тяжело дыша, – вот гадина... Таких еще не встречал!

– Я думал, вы здесь уже все знаете, – заметил я.

Он огрызнулся:

– Я ж не прущу через чашу, аки не знаю кто! Все по дорогам, по дорогам, как приличный... Всегда то постоялый двор, то трактир, то таверна, то вообще шинок... И подрасть всегда есть с кем.

– Надо осваивать просторы Отечества, – заявил я с пафосом. – Оно теперь наше! Надо знать, что, где и сколько будем грабить. Чтоб по справедливости. Не переграбить лишнего. Когда грабит не разбойник, а правительство – это уже не грабеж, а налоги.

Он не отвечал, сопел люто, остервенело вспарывал рыбье пузо. Кожа трещала и скрежетала, как железо. Растер напрягся, будто поднимал скалу, лицо побагровело.

Бобик дождался, когда ему бросят кишки, поймал на лету и проглотил. Тут же затрещали кусты, он исчез, Растер только успел крикнуть:

– Больше не надо... Эх, не услышит! Ну, это понятно, азарт. Я сам такой...

Я быстро собрал сухие ветки, бросил из ладони огонек, а дальше просто лежал и смотрел на проглядывающее между зелеными ветвями синее небо.

Эта рыбина лишь напоминание, что даже сейчас мы хозяева не всей земли, а только обжитых нашими предками территорий. И хотя эти земли медленно расширяются, но есть участки, куда человек старается даже не показываться.

Небо странно светлое с темно-синими, почти черными, лохматыми облаками... нет, тучами, а среди них, как огненная лава, проглядывают раскаленные громады, больше похожие на оранжевые скалы, чем на создание атмосферы.

Я то и дело поглядывал вверх, не оставляет странное ощущение, что там в облаках движутся лишенные гравитации целые горные хребты, изредка вот так высвечиваемые солнцем. И хотя это глупо, но иногда зрение вытворяет дикие шуточки.

Мысли вдруг сдуло, как горячим ветром, ноздрей коснулся дивный аромат. Я прислушался и не сразу сообразил, что просто пахнет жареной рыбой.

Растер любовно раскладывал большие куски на широких зеленых листьях, глаза довольно блестят.

– Чудесная рыба, – сообщил он. – Я думал, только кожа да перья такие ценные... М-м-м, что за аромат!

Я дождался, когда он вытащит из седельного мешка сыр и хлеб, конечно же, большую флягу с вином, без этого нельзя в походе, вино обеззараживает любую воду. Снова треск по лесу, Бобик принес еще такую же рыбину, только вдвое больше.

Растер вскочил, уже настороженный, умело добил чудовище и, отсапываясь, спросил, оправдываясь:

– Эту возьмем в крепость?

– Да, – согласился я. – Столько не съедим... Бобику только дай кишки за старание.

– Это обязательно, – заверил он. – Это просто чудо, а не пес. У него настоящая рыцарская душа! Уже можно перевести из пажей в оруженосцы. А там, глядишь, и до рыцарского звания дослужится.

Куски диковинной рыбы таяли во рту, я сразу ощутил прилив сил, усталость куда и делась. Растер довольно облизал пальцы, прежде чем вытереть о траву.

– Как хорошо в лесу, – сказал он довольно. – Деревья, птички, рыбы... И никаких баб... в смысле, леди.

– Сплюньте, – посоветовал я и нервно оглянулся. – А то возьмут и появятся! И скажут хором: спасайте.

Он философски вздохнул.

– И что делать? Придется спасать. Никуда не денемся. Мы, можно сказать, для того и рождены.

– Для чего мы только не рождены, – проворчал я с тоской. – Как начнешь перечислять, пальцев не хватит.

– Но здесь мы в безопасности, – заверил он. – Лес, только мы, Бобик и наши кони... Ведь не следует голой женщине гулять одной по темному лесу... тем более подходить к костру с незнакомыми мужчинами?

Взгляд его был устремлен мне за спину, я подпрыгнул и резко обернулся, хватаясь за рукоять меча.

Кусты вроде бы чуть колыхнулись. Там зачирикало, я перевел дыхание и сказал с угрозой:

– Еще одна такая шуточка... и Армландия останется без гротсграфа!

– Зато какие похороны устроим, – ободрил Растер. – А напьемся... Вообще-то, сэра Ричард, вы, как вижу, несмотря на молодость, зверь уже битый, птах стреляный... Я имею в виду, в женских делах. Кто не горел в этом огне, кто не страдал, чье сердце не рвалось от горя, тот еще не мужчина. А я вот совсем недавно понял, что гораздо легче любить всех женщин, чем одну-единственную. И сразу стал счастлив! И все женщины меня любят.

– Удобная позиция, – согласился я.

– Могу поделиться, – предложил он. – Совсем не жалко. Ни одна женщина никогда не видит того, что мужчина делает для нее, но очень хорошо видит то, чего для нее не делает. И ходишь всегда виноватый...

Я спросил, поддразнивая:

– А как же любовь?

– Если женщина тебя любит, – ответил он мрачно, – то, в сущности, тот, кого она любит, – не ты. Но тот, кого она больше не любит, – именно ты. Меня это в конце концов добило... Когда я понял, что любимая женщина – это та, из-за которой у тебя всегда болит сердце, я понял вашу мудрость, что любите только своего коня и собаку.

Бобик, чувствуя мое блаженно-расслабленное состояние, попробовал напрыгнуть сзади на плечи и едва не свалил в костер. Я уперся, отпихивался, он наконец понял, что не до него, потащился жаловаться Зайчику. Тот сочувствующе фыркнул, что-то шептал теплыми мягкими губами в черное мохнатое ухо.

Растер наконец забросал остатки костра землей, затоптал, лицо его оставалось непривычно серьезным.

– Знаете, сэра Ричард, я бы не решился сказать этого отцу Дитриху, но вам скажу откровенно... По моему глубокому убеждению, в раю женщин нет! Женщина для рая просто опасна.

Я поднялся, хмуро подумал, что и тут, в диком лесу, где бабами и не пахнет, все равно говорим о них. И хоть ругаем, но говорим и думаем о них.

– У меня теперь тоннель, – сказал я. – Зайчик, Бобик и тоннель!..

Глава 4

Обратно ехали той же дорогой, снова дорога вильнула, а мы с пригорка рассмотрели гигантскую зеленую женщину. Отсюда ракурс похуже, голова маленькая, зато жопа большая, ягоды не просто горы, а сочные горы, я проворчал с тоской:

– Никуда от баб не деться... даже здесь они настигают.

Растер спросил задумчиво:

– Может, нам мерещится? Никакой бабы там нет?

– А что?

– Да просто кусты.

– Обоим разом померещилось?

– А что нам еще могло померещиться? Домики, собачки?.. Не дети, поди...

Я кивнул, дальше поехали, не оглядываясь. Видимо, кто-то из туристов или созревающих подростков прошлой эпохи на ходу создал этот вот образ на подходящем месте. Ну, как мы рисовали баб с вот такими на стенах общественного туалета или чертили прутиком соблазнительные контуры на песке...

Дорога снова опасливо вильнула, на всякий случай обходя черную башню, что, как чудовищный кусок угля, вздымается к безмятежной безоблачности. По иссиня-черным стенам блещут грозовые сполохи, хотя небо чистое. Вокруг башни свежая зелень трав и кустарников, мир чист, носятся бабочки, жуки, по зарастающим стежкам-дорожкам прыгают кузнечики.

Я то и дело поглядывал на это пугало, напоминает осколок снаряда, воткнувшийся в землю, но острием все еще направленный вверх.

– На чьей земле? – спросил я и, не дожидаясь ответа задумавшегося Растера, сказал державно: – Впрочем, неважно. Зачислю в памятники старины, а это значит – собственность государства.

– Государства?

– То есть моя, – пояснил я.

Растер кивнул.

– Никто возражать не будет, сэр Ричард! Такие замки пользуются дурной славой. Все равно никто туда не ходит, забирайте. Еще и спасибо скажут. Вы скажите лучше, что с драгоценностями делать будете?

– Миркус проверит, – объяснил я, – нет ли среди них чего-то полезного. В смысле, с магическими свойствами. А так... все на продажу. Я не ворона, чтобы таскать в гнездо блестящие побрякушки.

– Золото должно работать, – согласился он. – Только там много стариннейших монет.

– И что?

– Их можно продать дороже. Намного!

Я вздохнул.

– Некогда. Мне уже сейчас нужны средства, чтобы выдать аванс, а затем оплачивать две-три бригады дюжих каменорубов. Пусть стараются, работают посменно. Еще нужно построить им барак для жилья и наладить доставку продуктов... да много чего нужно!

Он посматривал сожалеюще, но помалкивал. Он рассуждает, как нормальный человек, я – как державный деятель. И хотя я сам порой не знаю, что это такое, и путаю свой карман с государственным, но стараюсь быть по возможности честным.

Чтобы оправдать свое странное для общечеловека отношение к произведениям древнего искусства, как же – археологические находки, я заранее занес их все одним махом в язычество, а это значит, что как верный паладин церкви я просто обязан переплавить сатанинские изображения в золото.

Можно бы и такими монетами расплатиться, кто спорит, камнерубы будут только рады, но отец Дитрих воспротивится: пропаганда языческих ценностей, подрыв христианской базы и еще много чего можно мне присобачить, не особенно и напрягаясь.

Еще за милю до крепости я увидел, что жизнь в ней кипит, судя по тому, сколько в ее сторону движется нагруженных телег и сколько бодро и налегке подпрыгивают на каменистой дороге пустых.

Растер тоже заметил, держится с гордостью, словно это все его заслуга. Впрочем, он прав, в это время не отделяют себя от сюзерена и все его дела и заботы принимают, как свои.

Открылась сама крепость, солнечные лучи падают отвесно, она блещет странным металлическим светом, уже не янтарь, а золото возвышается над миром, царит и надменно говорит каждому, что после отгремевшей Войны Магов еще не строили столь величественное и громадное.

Плотники у входа в крепость разложили бревна и широкие полосы железа, меряют, ругаются, отпиливают, снова меряют. Я не сразу догадался, что не гигантский плот строят для передвижения по океану, а сколачивают ворота.

Внутри крепость настолько огромная, что еще долго ехали по внутреннему двору, что не двор уже, а громадная площадь, пока пустая, прежде чем приблизились к головному зданию. Я его привычно называю донжоном, хотя, конечно, это скорее, дворец. Хотя да, укрепленный, укрепленный.

Бригадиры и мастера сразу же поспешили с докладами, что сделали и что сделают, я перенаправил к Растеру, а тот с медвежьей грацией указал на некстати появившегося барона Альбрехта. Бобик унесся огромными прыжками проверять кухню, Зайчика любопытные соблазнили старыми подковами, он их грызет, как карамельки, я хозяйским взором оглядывал растущие постройки.

Миртус вышел из своего подвала, что вообще-то давно уже не подвал, и, как чучундр, попытался проскользнуть под стенкой ко входу в другой подвал, где располагается расширенное помещение для алхимиков, бывших магов.

Вообще-то алхимики, по мнению церкви, тоже что-то нечистое, но я уговаривал отца Дитриха не обострять вопрос в этот сложный переходный период.

– Миртус, – сказал я предостерегающе, – ты, что же, не замечаешь самого грессграфа?

Он смутился, заговорил виноватым голосом:

– Простите, ваша светлость...

– Да шучу, – сказал я с досадой. – Как там идут дела?

– Идут, – ответил он. На лице то появлялась, то исчезала бледная улыбка. – Вы набросали столько идей... Не спят неделями! Да и то... Там же, на месте...

– Хорошее время, – сказал я, – никто не берет меня за глотку насчет условий труда. Что с типографией?

Он ответил виновато:

– Там этот инквизитор...

– Отец Дитрих? – перепросил я. – И что?

Он сказал с легким укором:

– Это вам он отец Дитрих. А для нас – Верховный Инквизитор. Знаете, вот такие мурашки бегают...

Я вздохнул.

– Знаю. Наука и религия никогда не уживались. Тем более что вы еще не совсем наука, а инквизиция... не совсем церковь. Но надо, Миртус, надо. Считаю присутствие отца Дитриха самым лучшим прикрытием своей деятельности.

Он бросил на меня короткий взгляд снизу.

– Моей?

– Нашей, – согласился я. – Потому я и стараюсь, чтобы Великий Инквизитор получил доводы для вашей защиты.

Он сказал робко:

– Мы под вашей защитой, ваша светлость. Но как насчет остальных, их в Армландии много! Их церковь вылавливает и уничтожает с неслыханной жестокостью...

Я пробормотал:

– Ну, насчет неслыханной, это преувеличение... Весь мир жесток, тут уж ничего не поделаешь... пока что. Надо уживаться. К сожалению, ничего пока предложить не могу... Но постараюсь выработать какую-то дорожную карту по сближению научного метода и религиозного. Иди, все впереди!

Я перекинул мешок с найденными драгоценностями на другое плечо, золото весит ох как много, но не успел сделать и пару шагов в донжон, как в бок впился острый взгляд.

Отец Дитрих хмуро смотрел, как я отпустил алхимика, на лице полнейшее неодобрение, губы поджал, а брови сдвинулись на переносице, отчего взгляд приобрел остроту дамасского клинка.

Я пошел к инквизитору, кланяясь еще издали, постарался, чтобы в ворота рубашки поблескивал подаренный им крестик.

– Нечестивые люди, – буркнул он. – Вообще-то я с типографией уже и сам разобрался.

– Поздравляю, святой отец!

– Могу заменить этих, – продолжал он неумолимо, – добропорядочными христианами. Книги нужно делать чистыми руками!

– Да, конечно, – поддакнул я. – А как же!.. Книги – это ж святое дело!

– Да, – сказал он мечтательно, – кроме Библии можно все труды святых отцов отпечатать!.. Это ж какая библиотека будет...

– Да, – согласился я, – это будет... да...

Он видел, что не нахожу слов, я в самом деле не находил, так как именно книгопечатание и нанесло по религии и верованиям самый сильный и непоправимый удар.

– Я уже заказал плотникам еще один типографский пресс, – сообщил он. – Такой же.

– Прекрасно, святой отец. Но эти люди, которых мы медленно и бережно выводим из пагубных заблуждений и приобщаем... ага, приобщаем к свету Христову... весьма полезны в ряде усовершенствований!

Он нахмурился.

– Да, но... рано или поздно и простые плотники бы додумались.

– Но пока додумываются алхимики, – напомнил я. – И благодаря им работа по печатанию Библии и трудов отцов церкви идет быстрее! Вы уж, святой отец, повремените с кострами!

Он поморщился.

– Я ничего не сказал про костры. Но печатание книг – слишком важное и священное дело. К нему нельзя допускать кого попало. И без молитвы начинать такую работу нельзя.

– Совершенно с вами согласен, – сказал я с энтузиазмом. – Абсолютно! Но не менее важно и работать с людьми, как говорит Христос. Одну блудницу важнее перевоспитать, чем сто девственниц уберечь... Блудница – это ого-го, все познала, все умеет, а девственницы – просто дуры дикие. Потому работа с алхимиками – важная нравственная составляющая нашей... словом, всего нашего!

Он хмурился, в глазах зарождался опасный блеск. Я собрался, отец Дитрих очень серьезен, где-то я подступил к более опасному рубежу, чем тот, который он переступать не намерен и мне не даст.

– Они не просто язычники, – возразил он. – Они – противники. По некоторым просто костер плачет...

– Отец Дитрих, – сказал я с упреком, – вы скоро и меня на костер!

Он сказал серьезно:

– Кого люди не любят, того не любит и Бог.

Я спросил настороженно:

– И?

– Вас любят, – ответил он. – Даже простолюдины. Чем вы сумели... Хоть еще ничего для них и не сделали, между прочим. Так что вас, сэр Ричард, пока никто на костер не потащит. Пока.

Я сказал горько:

– Ждете? Или, как сказано в Писании: падающего толкни?

Он поморщился:

– Сэр Ричард, с вашими шуточками... Кто-то в самом деле подумает, что в Писании есть такие гадкие слова. Народ неграмотный, но даже грамотные читать не любят, больно труд тяжелый. Проще мечом махать или дрова колоть. Вас любят, за вами идут – это главное. К тому же политику проводите, удобную церкви. Конечно, не так, как хотела бы сама церковь, но мы понимаем, что желания и возможности редко когда совпадают.

– Нельзя творить зло, – сказал я, – или ненавидеть какого бы ни было человека, хоть нечестивого, хоть еретика, пока не приносит он вреда нашей душе!

– Иоанн Златоуст, – сказал отец Дитрих, – хорошо сказал... и хорошо, сын мой, что помнишь такие золотые слова. Но, как сказали отцы нашего учения, тот не может иметь отцом Бога, кто не имеет матерью Церковь. А эти еретики...

– Какие из них еретики? – воскликнул я поспешно. – Отец Дитрих, это просто очень увлеченные работой люди! А Господь любит работающих и не любит праздных. Вы видели, чтобы эти люди когда-то пребывали в праздности?

Он посмотрел на меня гневно, затем черты лица смягчились.

– Да, похожи на муравьев, – проговорил он нехотя, – Божьих существ, которых Господь создал раньше человека, чтобы проверить, как будут смотреться и работать сообща люди... Но работа, сын мой, может идти и во зло, если человек не задумывается, одобрил бы ее Господь или нет. А вот если будет сверять с Божьими планами...

– Прослежу, – пообещал я поспешно. – Это ценные... блудницы! Мы их исправим. С их опытом работы заставим приносить пользу обществу.

Он милостиво благословил меня, я отвесил поклон, но не успел потащить найденное золото в свои покои, как сэр Растер, успев пораспоряжаться насчет установки ворот, увидел, что я все еще на том же месте, замахал руками и бодро направился к нам, весь сверкающий в доспехах, будто увешанный зеркалами.

– Отец Дитрих, – воскликнул он патетически, – Господь любит сэра Ричарда! И специально для него закопал у дороги та-а-а-кие бриллианты!

Отец Дитрих посмотрел на меня с вопросом в глазах.

– Вы нашли клад?

– Увы, нашел.

– Десятую часть на церковь, – решительно сказал отец Дитрих. – Только так можно смыть возможную кровь и преступления с этих нечестивых бриллиантов.

Растер крикнул и умолк, на лице виноватое выражение.

– Да, конечно, – ответил я поспешно. – А бриллианты продам и оплачу камнерубам их работу. Так что все только на благое дело.

Отец Дитрих кивнул.

– Да-да. А та десятая часть уйдет на уплату работникам типографии. А еще нужно закупить больше ткани для выделки бумаги. Ее понадобится много. И краски.

– Все решим, – пообещал я. – Вот оживится торговля, пойдут инвестиции, установим налоги... Никакие клады не понадобятся! Клады спасают от нищеты отдельных людей, но не государства.

Сэр Растер ощутил, что на него за промашку никто не сердится, взыграл и сказал, потирая руки:

– Мы там в лесу такой аппетит нагуляли! Самое время пойти и хорошенько пообедать!

Я удивился:

– Сэр Растер, мы же совсем недавно так хорошо перекусили! Какая была дивная рыба...

– Я поел, – ответил Растер с достоинством, – но не пообедал! Запомните, сэр Ричард, обедают только в хорошей компании! В одиночестве – всего лишь еда. Жрем, в смысле.

Отец Дитрих, уже довольный предстоящей долей бриллиантов и все никак не расставшийся с громадным томом Библии, сказал благожелательно:

– Когда однажды Лукулл обедал в одиночестве и ему приготовили один стол и скромную трапезу, он рассердился и позвал приставленного к этому делу раба. Тот ответил, что, раз гостей не звали, он не думал, что нужен дорогой обед, на что его господин сказал: «Как? Ты не знал, что сегодня Лукулл угощает Лукулла?»

Сэр Растер довольно взревел, вот уж не ожидал поддержки от инквизитора, с несвойственной ему торопливостью поцеловал отца Дитриху руку, тот благословил милостиво, но принять участие в пире отказался, дескать, куда за стол с таким сокровищем. Растер предложил помочь отнести в кабинет, отец Дитрих прижал книгу к груди и отказался, сам отнесет, для него это не труд, а счастье.

Я наконец потащился к себе, в голове стучит: каков мой долг – быть гроссграфом или ревностным христианином? Почему, по мнению отца Дитриха, это входит в такое дикое противоречие? Как гроссграф, я обязан защищать всех, а также заботиться о благополучии и процветании Армландии. Я должен нещадно карать преступников, кем бы те ни являлись, а вот, как христианин, я должен заботиться о том, чтобы духовные заботы превалировали над мирскими... конечно, не впадая в крайности. Еще нужна и здоровая рыночная экономика. К сожалению, все эти маги, алхимики и колдуны уводят развитие общества в сторону, толкают на ложную тропку поиска легких путей, бездумного получения могущества и богатства...

С другой стороны, они платят налоги, а кто побогаче, еще и сверх жертвуют деньги то на помощь бедным, то на постройку дорог, то на украшение города.

Но я служу обществу! И в то же время – церкви. И когда интересы сталкиваются с такой сокрушающей силой, на чьей стороне я должен быть? Ни одна из них не кажется единственно правой.

Глава 5

На склоняющееся к западу солнце больно смотреть, весь мир под ним блестит и переливается огнями, словно везде просыпаны осколки слюды. Западная часть неба в клочующих вулканах и тучах сизого пепла, солнце огромнеет и царственно алеет...

...а во двор крепости все въезжают и въезжают телеги и подводы с бревнами, досками, черепицей, горами битой дичи. Босоногие погонщики щелкают кнутами, направляя в сторону бойни стадо овец. Прошел отряд стражников, время сменить караулы, а возле кухни нарастает оживление, ворота винного подвала распахнуты, возле них сэр Растер размахивает руками, указывая, что и куда, а дюжие мужики выкатывают солидных размеров бочку...

Я вздохнул, сэр Растер верен себе: если не поход – то пир, а для чего еще живет человек? Но для меня важнее вон те люди, крепкие и кряжистые мужчины, прибывшие в длинной повозке на тяжелых колесах. В упряжке не кони, а могучие волы, что значит: работники прибыли со своим инструментом, запросят больше.

Пока пир не начался, я поспешно спустился. Каменотесы дружно сдернули с голов шапки и поклонились, но не чересчур, они не мои люди, а кто чересчур роняет достоинство, тому и платят меньше.

Вперед выступил мужик с длинными волосами и бородой, где седых волос больше, чем черных, но здоровенный и мускулистый, как выросший на камнях дуб.

– Мастер Маргулер, – назвался он. – Линдон Маргулер.

– Приветствую, мастер Маргулер, – сказал я. – Работу вы знаете, вижу. И не новички. Аванс выдам сейчас, а к работе чем раньше приступите, тем больше заработаете. Плачу от объема вырубленного...

Он спросил с сомнением:

– Мы слышали, что рубить камень придется... гм...

– Под Хребтом? – договорил за него я. – Все верно. И вы подумали, какой дурак этот лорд!.. Но раз платит хорошо, почему не принять даже такое предложение?... Кто-то спорит, но вы все-таки приехали. И правильно сделали.

Он смотрел несколько ошарашенно, каменотесы за его спиной переглядывались, на лицах смущение, отводили взгляды.

Мастер Маргулер сказал осторожно:

– Ну, это не наше дело обсуждать...

– Ваше, – заверил я. – Обсуждайте сколько угодно! У нас свобода слова. Но работу делайте. Можете сразу, как приедете, начинать рубить камень, я там отметил от и до.

– Там кто-то уже есть?

– Вы уже третья бригада, – заверил я. – Первые две начали с того, что срубили себе бараки для жилья.

– Разумно, – проворчал Маргулер. Он все еще посматривал на меня настороженно, я хоть и дурак со своей дурацкой затеей, но какой-то не такой дурак. – Мы тоже сделаем свой. У нас цех со своим уставом. И своим котлом.

– Ваше право, – согласился я. – Лишь бы работе это не мешало. Пойдемте, мастер Маргулер, в мои покои. Получите плату на свою бригаду...

Маргулер деловито пересчитывал монеты, когда вбежал раскрасневшийся и запыхавшийся паж в нарядном камзоле и разноцветных штанишках: одна штанина красная, другая – зеленая, отвесил церемонный поклон и прокричал звонким и срывающимся от усердия голосом:

– Доблестный сэръ Ричард! Ваши верные рыцари со всей почтительностью не начинают пир до вашего появления!

Я поморщился, сказал мастеру:

– Вам хорошо: камень долбите! А мне вот идти пить надо.

Он впервые ухмыльнулся, в запавших медвежьих глазках появились веселые искорки понимания.

– У всех свои трудности. Спасибо за щедрую плату, ваша светлость.

– После завершения работы, – пообещал я, – всех ожидают премии!

Он крикнул, но смолчал, только посмотрел на меня снова, как на припадочного. Я ответил широкой улыбкой, мол, а ты возьми и откажись от премии, раз не ждешь ее при жизни.

– Спасибо, – повторил он осторожно. – С вашего позволения, мы завтра с утра и отбудем.

Отлично, – сказал я. – Скажите о себе на кухне. Вас покормят за государственный счет...

Он удивился:

– Это за какой такой?

– За мой, – сказал я сердито. – Могу я хоть когда-то не хвастаться своей щедростью?

Он улыбнулся и ушел, а я отправился вслед за пажом, что прямо раздувается от гордости. Вообще-то паж должен топтать позади, но в нашем постоянно перестраиваемом муравейнике они лучше ориентируются, где что и как, а я в своей огромной крепости-городе могу и заблудиться.

Большой зал с голыми жутковатыми стенами из литого камня, настолько гладкими, что кажутся металлическими. Ни одного ковра или шкуры, зато успели навезти и расставить под стенами светильники. Пахнет горящим маслом, ароматы приятные, что-то подмешивают для запаха, посреди три узких длинных стола, составлены подковой, пестро и ярко одетые рыцари слушают песню барда.

Я остановился в дверном проеме, разом оглядывая как своих рыцарей, так и лордов, что уже отправили свои медлительные войска в их земли, а сами задержались на несколько дней, заканчивая пир. Сразу уехали только те, кто привел с собой небольшие конные отряды, они с ними и вернутся, а у кого еще и пешие, те все равно их обгонят по возвращении.

За столом – Растер, Макс, Норберт – понятно, голытьба, если так уж начистоту, самые надежные для любого властителя люди, но гораздо важнее, что в зале барон Альбрехт, граф Ришар де Бюэй и другие владетельные лорды, у которых свои земли и крепкие замки. Могли бы, отбыв повинность перед сюзереном, с чувством выполненного долга поспешить вернуться в собственные владения, где вся законодательная, а также исполнительная власть – у них...

Вместе держатся рыцари из Амило и Амальфи: Зигфрид, Тюрингем, Ульман, Вернигора, виконт Теодерих, еще с десяток приехавших вместе с ними. Хотя уже освоились со всеми и передружились, но все же чувствуют общие корни. Сближает и то, что не все они «чистые рыцари»: если барон Альбрехт или даже малоприметный Норберт могут легко назвать по двенадцать поколений своих знатных предков, то эти почти все рыцари в первом поколении, сами чувствуют свою недостаточную рыцарственность и по манерам, и по знанию благородных обычаев.

Асмер и Бернард тоже сидят вместе, хотя ни тот ни другой не комплексует из-за соседства знатных лордов. В Зорре, где жестокие бои равняют всех, ценится только доблесть, а не череда великих предков.

Из новичков выделяется сэръ Жоффруа де Шарни, уже немолодой, но крепкий, как дуб в расцвете сил, прокаленный походами и войнами, что вытопили из него не только жир, но и лишнее мясо, весь перевит жилами, крепкий и костистый. Он еще по прибытии под мои знамена сообщил гордо, что побывал даже в Иерусалиме и, наслушавшись о молодом и амбициозном гроссграфе, хочет предложить ему свой меч и услуги в надежде, что не придется доживать в старости, а удастся красиво погибнуть в бою за какое-нибудь справедливое дело.

Чем-то он показался мне похожим на Макса, таким наш Максимилиан станет лет через двадцать-тридцать, и уже потому, что к Максусу чувствую симпатию и доверие, сэра Жоффруа принял с сердечным теплом и сразу пригласил поучаствовать в пире.

Появился отец Дитрих в сопровождении тихого монашка, в руках Великого Инквизитора толстенная Библия. Рыцари наперебой бросились к нему испрашивать благословения. Растер суетливо придвинул инквизитору кресло. Отец Дитрих с неохотой передал книгу монаху, даже я со своего места уловил запах свежей типографской краски, опустил на сиденье, разговоры сразу стали сдержаннее, исчезли грубые шуточки.

Сэр Растер с оттоптаннми медведями ушами первым сквозь шум и гам услышал скрип открываемой двери, я не успел сделать и пару шагов, как он заорал радостно и как бы с удивлением:

– Сэр Ричард!

Я улыбался и красиво помахивал рукой.

– Да-да, я самый. Все свободны, всем сидеть.

Начался пир, шумный, веселый и бестолковый, но бестолковость вижу только я, для всех остальных в нем заключен большой и сакральный смысл. Я, как положено, широко улыбался и милостиво наклонял голову, произнес тост из общих слов, все дружно и лихо осушили кубки, а затем уже пошло по накатанной.

Я ухитрился урывками думать о Тоннеле, в то же время улыбался и снова кивал, иногда пожимал плечами, даже не расслышав вопроса, снова поднимал кубок, улыбался, наклонял голову.

Сэр Растер, уже красномордый, очень веселый, наклонился к уху сэра Норберта и прошепел весело:

– Против кого молчим? Сэр Норберт, если ты глуп, то поступаешь умно, но если умен, то поступаешь глупо. Но ты ж не глуп, скажи тост!

Норберт отнекивался, но на него напали, заорали, начали подталкивать, недовольный Норберт Дарабос наконец встал, кубок в правой руке, посмотрел на меня бесстрашно и прямо.

– Сэр Ричард старше доблестью, чем годами. Мне повезло, что я среди его соратников. Полагаю, нам всем повезло. Так сдвинем же кубки, чтобы и дальше наш путь был так же прям и славен!

Со звоном и радостным стуком кубки встретились над столами, красные капли щедро орошают красные скатерти, я улыбался и снова милостиво наклонял голову, отвечая на поднятые бокалы тех, кто не в силах ко мне дотянуться.

Растер толкнул барона Альбрехта.

– Теперь ты!

Барон с улыбкой покачал головой.

– Нет-нет.

– Почему? Вон даже Норберт и то...

Барон снова покачал головой.

– Простите, но в чем я силен, сейчас не ко времени, а что сейчас ко времени, в том я не силен.

– Ну вот, – сказал Растер разочарованно, – снова умничает, ничего не понятно... Ненавижу тех, кто помнит, что было на прошлом пиру!

Сэр Варанг и сэр Ришар сдвинули головы и тихонько переговаривались, Растер дотянулся до Ришара и бухнул его по спине кулаком.

– Граф, – взревел он мощно, – беседа должна быть столь же общим достоянием пирующих, как и это прекрасное вино! Не так ли, сэр Ричард?

Я кивнул.

– Когда за столом больше двух, говорят вслух.

– Золотые слова, – проревел Растер. – Сэр Ришар, не расскажете ли, как вы весной поймали оленя с золотыми рогами? Говорят, ваши кони догоняют любого оленя так, будто бегают за черепахами!

Сэр Ришар со сдержанной гордостью улыбнулся.

– Как приятно, когда спрашивают о том, о чем самому хочется рассказать и без всякой просьбы! С удовольствием расскажу. Но в другой раз. Сейчас сам хочу спросить сэра Ричарда...

Он замялся, я сказал громко:

– Даже знаю, о чем. Спрашивайте.

– О чем? – спросил сэр Ришар осторожно.

– О тоннеле? – уточнил я. – Вижу-вижу, что у вас на уме...

Сэр Ришар шутливо пощупал свое лицо.

– Неужто я так прям? Неприлично даже... так вот поговаривают, вы послали к Хребту почти тысячу копейщиков?

– Не только, – уточнил я, – там и мечники, и лучники. Два десятка с арбалетами. А что вас интересует?

Он снова замялся, за столом начали стихать разговоры, прислушивались, я ловил на себе заинтересованные взгляды.

– Да как-то непонятно, – пробормотал он. – От кого охранять камнерубов? Или друг от друга?

Я сказал благожелательно:

– Сэр Ришар, вы отказались участвовать в прорытии тоннеля под Хребтом. Так что, уж простите, не допущены к корпоративным тайнам. Но если хотите и рыбку съесть, и девственность сохранить, могу рекомендовать придвинуть ваши войска поближе к тому месту, где начались работы.

Он посмотрел на меня в недоумении, взгляд его упал на пустой кубок передо мной, из-за спины выдвинулась рука с кувшином, из горлышка полилась темно-красная струя.

Лицо Ришара прояснилось, он решил, что все понял.

– Великий император Траян, – сказал он, – не разрешал исполнять приказы, данные после долго затянувшихся пиров.

– Это не приказ, – сказал я, приятно улыбаясь, – совет... Но вы откажитесь, откажитесь!

– Конечно, откажусь, – сказал он очень уверенно, даже чересчур уверенно. – Зачем бы я туда послал мои войска!

– Правильно делаете, – одобрил я. – Это я так, по доброте своей сделал вам такое предложение. Вам с другого конца Армландии двигаться? Последним придете, когда все хлынут... ладно, наливайте, а то все такие серьезные... и меня как-то странно понимаете...

Они в самом деле посматривали с недоумением, а отец Дитрих сказал очень заботливо:

– Македоняне, потеряв Александра Великого, по силе стали равны циклопу, потерявшему глаз. На тебе вся Армландия, так что береги себя. Уже не ради себя, а ради этой прекрасной страны.

Я сказал поспешно:

– Святой отец, не волнуйтесь, я не переработаюсь.

– Да кто знает...

– Я знаю, – ответил я уверенно, самому стало весело, что обо мне такое лестное подумали. – Я такой.

– У человека силы не беспредельны, увы.

Я открыл рот для шуточки и закрыл. В самом деле смотрят с тревогой и даже то, что я почти откровенно признался в лени, поняли как хвастовство неиссякаемыми силами, что позволят мне работать и работать на благо. Ага, на благо. Работать.

Я развел руками в великом смущении.

– Дело не во мне... Святой отец, я хочу, чтобы, когда в других странах спрашивали, кто правит в Армландии, им отвечали: закон. Или: закон и порядок! А про грессграфа упомянуть могли и забыть. Я бы такой формой правления только гордился.

Он сурово улыбнулся:

– Юность, юность...

– Но это возможно, святой отец!

Его сухие губы скептически изогнулись.

– Как? Да, я знаю, в Элладе была демократия... Потому и пала под натиском сперва Александра, потом римлян, у которых во главе всегда люди.

– Но разве там люди стояли выше закона? Римляне создали юриспруденцию!

Он развел руками.

– Закон всего не предусмотрит. Он может стать камнем на шее, что потянет ко дну глубокой реки. Однако в Риме люди в нужные моменты могли брать законы в свои руки. И потому Рим стал вечным.

Рыцари с интересом прислушивались, барон Альбрехт заметил с некоторой ехидцей:

– Где нет закона, нет и преступления, не так ли?

Отец Дитрих подтвердил с улыбкой:

– Формально, да.

– Это аксиома! – сказал Альбрехт. – Потому сэр Ричард вообще-то должен бы тормозить принятие любых законов.

– Э-э-э, – возразил я, – а как насчет заповеди: не судите, да не судимы будете, взявший меч от меча и сгинет, какой мерой меришь – такой отмерят и тебе...

Они смотрели с пониманием: слишком уж в глубокие дебри я влез, умничаю, значит, такой вот лорд у них, даже Библию читал или хотя бы видел издали, только сэр Растер завозился и недовольно хрюкнул:

– Сэр Ричард, в чем дело?... Как нет закона? Наш закон – вы. Ваша воля – закон!

Рыцари согласно зашумели.

– Как говорит мой повар, – сказал я, – самое вкусное мясо не похоже на мясо, а самая вкусная рыба не похожа на рыбу. Потому и закон должен быть похож не на закон, а на божественный голос свыше. Мол, приказывает, а не вступает в дискуссии. Эй, что там медлят с горячим?

Сэр Растер прогудел с достоинством:

– Закон должен быть краток, чтобы любой дурак мог понять и усвоить. А то иной раз ломаешь голову, ломаешь, а все не поймешь, что сказано...

Слуги торопливо вбегали в зал и убирали опустевшие тарелки с остатками салатов и холодных блюд, следом другие спешно ставили перед проголодавшимися господами горячее парующее мясо.

Я отломил руками гусиную лапу, из-под стола раздалось рычащее напоминание, я бросил лапу туда, а для себя разорвал гуся пополам. Изнутри посыпалась горячая разварная гречка, золотыми зернами заблестела под ярким светом множества светильников по всему по широкому блюду.

Я сказал твердо:

– Народ любой страны будет полностью счастлив и управляем, если сумеет желания большинства направить... скажем, не в политику, объявив ее грязным делом, о которую ни один порядочный человек не станет пачкать руки, и не в накопление богатства, дескать, трудом праведным не наживешь палат каменных, а в...

Я задержал мясо перед пастью, подбирая профессию, все смотрят с ожиданием, я сказал:

– К примеру, в бродячих актеров!.. в фокусников, что жонглируют факелами на площадях. Дескать, почетнее жонглировать факелами или ножами, чем обещаниями перед народом.

Все перестали прислушиваться так внимательно, что даже горячее мясо осталось в тарелках или в руках, расслабились, начали переглядываться, а прямодушный Растер сказал с облегчением:

– Все шутите, сэра Ричард! А мы уж подумали, что в самом деле надо обманывать... В актеров, ха-ха, надо же!

– Ха-ха-ха, – расхохотался Макс. – В бродячих фигляров!

Даже барон Альбрехт, который посматривал сперва с вопросом в глазах, рассмеялся, понимая, что сюзерен шутит. Нельзя представить, чтобы достойные юноши стремились не к ратным подвигам, не к управлению областью, краем, страной, а к тому, чтобы изображать и высмеивать тех, кто управляет страной, кто стремится к ратным подвигам, кто отдает жизнь во славу своей страны, сюзерена, церкви, святой Девы Марии.

Я жевал, это дает возможность не отвечать сразу, а когда проглотил, уже все умные ответы благоразумно затолкал взад и заставил свои губы растянуться в примирительной улыбке.

– Да-да, конечно...

А сэра Норберт сказал глубокомысленно:

– Вообще-то я могу представить, что из самых низов, где только воры и шлюхи, кто-то из детей, может, и стремится убежать в бродячие артисты. Достойные люди землю пахут, дома строят, коней куют, а недостойные, что работать не хотят и не умеют... гм... в актеры. Но, к счастью, есть еще благородное сословие, откуда никогда ни один человек не захочет уйти в столь низкую и недостойную профессию!

Я кивнул.

– Вы правы, сэра Норберт. А если вздумает – то он уже не из благородного сословия.

Я торопливо обгладывал кости, хватал другие куски, по телу расползается приятное тепло. Барон Альбрехт насыщается не так торопливо, блюдет манеры. Я поглядывал искоса, он обычно улавливает, когда я что-то недосказываю или резко сворачиваю, чтобы не проговориться, но сейчас ничего не заподозрил. Такую резкую смену интересов и ценностей в обществе и представить не в состоянии.

Но, проговорил холодно внутренний голос, это один из стержней власти. Направить желания большинства туда, где нам, властелинам, перестанут быть конкурентами. Пусть грезят не пугачевщиной или разинщиной, а возможностью находиться на виду толпы, самому постоянно любоваться собой и другим показывать, какой красивый, умный, мудрый, знающий, замечательный... Когда актеры по славе сравниваются с политиками – сейчас об этой дикости даже брякнуть нельзя, засмеют или сочтут за шуточку – тогда народ окончательно превратит в толпу, в стадо баранов и заставим его повиноваться, будто сами двигаем их руками и ногами.

И тогда раздолье для нас, умных, талантливых, дальновидных и хорошо знающих, что для народа нужно. Другое дело, захочет ли он это есть... Гм, заставим!

Отец Дитрих поглядывал на монашка, застывшего с книгой у груди, будто держит грудного ребенка, но внимательно рассматривает, как я заметил, и веселящихся рыцарей. Брови то и дело сдвигаются на переносице, в глазах проскальзывает тревога.

– Отец Дитрих, – сказал я, – они все – верные сыны церкви!

Он поморщился.

– Не сомневаюсь, сын мой. Но даже некоторая небрежность прощительна... в некоторых случаях. Я не о вере, а об устойчивости беспокоюсь.

– Нашей?

– Да, Армландии. К сожалению, любыми переменами всегда стараются попользоваться соседи. Я только что получил сведения, что есть неприятности на границах...

– С Турнедо? – догадался я.

– Ну да, Гиллеберд будет первым, кто вас проверит на прочность. Пусть даже чужими руками.

– Чужими? А где там чужие?

– Руками якобы своевольных сеньоров, – пояснил он. – Для этой цели очень хороши буйные лорды, что бравируют независимостью. Иногда король их использует куда лучше, чем если бы были его верными подданными!

Барон Альбрехт поинтересовался медленно:

– Святой отец, туда совсем недавно отбыл сэр Тамплиер. Вы так быстро уже получили вести?

Отец Дитрих буркнул:

– У меня свои источники, барон.

– Простите, святой отец.

– Ничего, сын мой. У всех свои тайны.

Сэр Растер спросил бодро:

– Может быть, послать Тамплиеру военную помощь?

– Лучше бы гуманитарную, – сказал я с тоской. – А еще лучше дипломатическую поддержку. Совсем ни к чему конфликты на границах!

– Надо, сэр Ричард! – возразил Растер. – Врага надо учить!

– А миром не получится? – спросил я. Посмотрел на их ошеломленные лица, пояснил торопливо: – Хороший полководец, как хороший врач, берется за клинок лишь в крайней надобности.

Сэр Растер ответил с достоинством:

– Так эта надобность всегда при нас!

– Народ у нас такой, – поддержал барон Альбрехт, – великодушные правителя, как и вежливость, толкует как слабость.

– И не только правителя, – уточнил Растер и нахмурился грозно. – Приходится идти напролом и раздавать зуботычины всем встречным... заранее, а то подумают, что слаб!

Я спросил удивленно:

– Что, уже пришла пора? Мы еще экономику не подняли! Даже поднимать не начали! Не-е-ет, сперва укрепимся. Я хочу воевать так, чтобы противник сразу видел: лучше сдаться сразу, это дешевле.

Барон уточнил деловито:

– Значит, воевать будем скоро? Я только хотел уточнить этот момент.

– А вопрос задать подтолкнули сэра Растера? – сказал я укоряющее. – Эх, барон... К сожалению, воевать приходится всегда раньше, чем хотелось бы. Так что держите ячмень сухим.

Глава 6

Сэр Растер провозгласил новый тост, я подал знак, чтобы на меня не обращали внимания, поднялся и вышел из зала. Если для Растера окончание войны в Армландии – сигнал к бесконечному пиру, пока не придет пора нанести превентивный удар по вероятному противнику, то у меня сердце колотится от перевозбуждения: шас возьмусь, шас наконец-то горы переверну, Тоннель прорублю, Юг и Север соединю и сам встану таможенником, Армландию заэталоню для всех соседних королевств, подниму взвэпэ на небывалый уровень, разовью науку и хайтэк, все у меня от счастья запоеют и даже запляшут, гады...

Дворец выстроен из желтого камня, и когда я быстро шел в сторону выхода вдоль длинного ряда колонн, в широкие окна льется закатный свет солнца, окна горят, словно огромное солнце стоит прямо за окнами. По всему залу оранжево– красноватый свет, а стены словно из старого доброго янтаря, потемневшего от времени, но сохранившего в своих глубинах накопленный солнечный свет.

На Юге случился тот ужас, который я видел в другом месте: обмен ценностей на удобства. В том мире, откуда я пришел, ценностей фактически не осталось. Одни отменены, как «ограничивающие человека», другие втоптаны в грязь и осмеяны, потому что не дают наслаждаться тем, что раньше считалось смертным грехом: плотскими утехами, чревоугодием...

Зато взамен получили неслыханные удобства, что принесли высокие технологии. Да, обмен ценностей на удобства. Но здесь я добился полного контроля над громадной территорией, и в рамках Армландии смогу совместить высокую мораль и высокую технологию... Да, смогу, и пошли вы все! Несогласных буду вешать прямо на городской стене поближе к воротам.

Стражи у выхода вытянулись, я сказал: «Вольно», охраняют пока не ворота в донжон, а пустой проем. Здесь пока нет ворот, как и в саму крепость: против простых дружно возражают все рыцари, а поставить вычурные требует времени.

С широкого крыльца, не то мраморного, не то еще из какого-то не самого дешевого камня, я вдохнул ароматный вечерний воздух. Далеко-далеко над стеной возвышаются синеющие к вечеру горы, все еще свежо и чисто вздымаются из пооранжеевших облаков. Над ними бездонное покрасневшее небо, уже грозное и грозящее огнем...

Деревьев и вообще долину отсюда не видно, но и она, как полагаю, сейчас из зеленого быстро окрашивается в багровый цвет заката, по ней от приземистых деревьев бегут длинные черные тени, такие непропорционально грозные в сравнении с мелкими и невзрачными стволами...

Может, мелькнула мысль, выехать к Хребту прямо сейчас? Ну и что, если на ночь? Ни Зайчик, ни Бобик ночи не боятся. Зато сразу успею войти в курс дела, что уже сделано, что нужно сделать...

Говорят, мы быстро подмечаем в себе малейшие достоинства и медленно обнаруживаем недостатки, но я не таков, я недостатков вообще не имею, у меня одни достоинства, потому я без всяких колебаний свистнул конюху.

Он примчался, глаза преданные, руки по швам.

– Что угодно вашей светлости?

– Оседлай Зайчика! – велел я.

Он охнул:

– Ваша светлость, куда на ночь глядя?... Говорят, здесь темные призраки оживают с заходом солнца...

– Вот и хорошо, – сказал я. – Будет с кем перемолвиться по дороге. Если, конечно, они за мной поспеют.

– Как скажете, ваша светлость, – ответил он послушно и как-то обреченно.

Тоже заботится, мелькнуло в голове. Да, теперь я – надежда. Они все предпочли бы посадить меня в стеклянную банку с ватой и держать в безопасном месте.

Зайчик выбежал весело и беззаботно, конюх с вымученной улыбкой висел на удилах, делая вид, что все-таки руководит конем. Под брюхом болтается незатянутый ремень подпруги, помощники конюха выбежали следом и торопливо затягивали, поправляли, сдували пылинки.

Я приготовился вскочить в седло, со стороны входа в крепость прогрехотали конские копыта. Во двор ворвался на полном скаку, высекая стальными подковами искры, измученный жеребец. С удил срываются лохмотья желтой пены, всадник прижимается к его шее, почти зарывшись в гриву, – низкорослый и щуплый воин, почти мальчишка.

Соскочил он достаточно бодро, конь растопырил все четыре и тяжело хрипел. Его подхватили под уздцы и повели по двору, чтобы охладился медленно.

Воин смотрел на меня сияющими глазами, впервые видит великого и ужасного гресс-графа так близко.

– Ваша милость, – крикнул он срывающимся голосом, – вам срочное сообщение от сэра Уорвика!

– Давай, – сказал я благодушно, – это лорд замка Кнаттерфель?

– Кнаттервиль, ваша светлость!

– Ах да, – сказал я, – вечно путаю... И что там такое случилось?

Он выпалил, выпучивая глаза и приподнимаясь на цыпочки, чтобы быть выше и значительнее:

– На замок было совершено нападение!

Я вздрогнул.

– На замок Кнаттерфель... тьфу, Кнаттервиль?

– Да, ваша милость!

– И... отбиться удалось? Или замок захвачен?

– Нет, сэр Ричард. Да, сэр Ричард! Отбились с большим уроном для нападавших, хотя часть сумела прорваться в замок. Но сэр Уорвик послал меня сообщить, что, возможно, попытку повторят. Он будет, конечно, настороже, но замок не готов ни к осаде, ни к штурму.

– Кто сделал такое? – потребовал я.

Он взглянул виновато.

– Напали ночью, никто не ожидал. Они как-то сумели перелезть через стену... она там совсем низкая... был бой, но сэр Уорвик и его рыцари умело защищали все проходы в замок, и те, когда увидели, что врасплох не удалось, отступили. Одежда на убитых дорогая, как и доспехи, но ни одного знатного не оказалось... Так что неизвестно, кто напал. И зачем.

В дверном проеме появился барон Альбрехт. Он ничего не говорил и даже не двигался, но посланец пару раз зыркнул на него, барон умеет производить впечатление, потом уставился на меня.

– Что прикажете, ваша светлость?

Я не успел сообразить, в голове каша, барон проговорил медленно и раздумываяще:

– Я бы предположил, что негодяи пытались выкрасть леди Лоралею.

– Почему? – спросил я.

Он ответил хладнокровно:

– А вы как думаете? Больше ничем тот замок не примечателен. И раньше на него, как я помню, вообще никто не нападал в силу его незначительности.

– Леди Лоралею? – переспросил я. – Да, конечно... Вообще-то она, вспоминая, в самом деле дивно хороша. А если у здешних мужчин нет более высоких целей, то дерутся из-за баб-с. Благородная дурь, так сказать. Эх, в тоннель бы вас всех запрячь, ни о каких бабах бы не думали! От безделья бесятся... Хорошо! Я прибуду лично, разберусь.

Посланец вытянулся, даже на цыпочки привстал.

– Я поскачу, сообщу?

Я покачал головой.

– Отдыхай.

Он всполошился, начал разводить руками, глаза круглые:

– Сэр... но нужно сообщить, что прибывает лорд! Пусть приготовятся... Мне бы только коня сменить.

– Отдыхай, – повторил я строже. – Иди, пусть тебя покормят.

Старший слуга дернул его за рукав, гонец поспешно поклонился и неохотно отправился с ним. Я сдержал вздох, это мелочи, нефиг жаловаться, все пока идет гладко. На Зайчике я туда и обратно смотаюсь за ночь, все решу и все устрою, не успеют и «мама» сказать.

Всякий человек себя любит. И вообще он любит себя больше всего на свете, что и понятно. И никто не любит человека больше, чем он сам. Единственное исключение – собака, действительно любит человека больше, чем он себя, восхищается им, уверена, что он самый-самый замечательный во всем, и вообще обожает смотреть на него, а себя считает счастливой уже тем, что принадлежит ему.

Бобик мчится впереди, огромный и черный, иногда исчезает за ближайшими деревьями, но вскоре выпрыгивает совсем в другом месте, в глазах ликующая радость, что видит нас, а когда мы встречаемся взглядами, я всякий раз вижу в его глазах любовь и обожание.

Солнце опускается все ниже, встречный ветер непривычно холодный, от деревьев и скал падает призрачно-пепельная тень. Там за горизонтом таится печальная и суровая тьма. Она вынырнет и мгновенно пронесется по земле, подминая все, как только скроется верхний краешек солнца.

Я придержал коня: наперерез несется всадник на темном коне, худощавый, в бархатной шляпе с большим искрящимся пером, в темном, богато расшитом камзоле, вообще вся одежда отличается странным соединением простоты ткани и дороговизны отделки.

Он издали снял шляпу и отвесил поклон, а когда приблизился, крикнул дружелюбно:

– Рад встретить в этих пустых местах живого человека!.. Куда путь держите, сэр?

– Пока прямо, – ответил я.

Он широко улыбнулся.

– Достойный ответ! Мужчины не должны ломать головы над выбором цели. Куда бы мы ни направились, приключения всегда найдут нас.

– Верно, – согласился я.

Он пустил коня рядом с Зайчиком, тот покосился ревниво, но под моим спутником конь все же ниже и чуть мельче, хотя все равно удивительно рослый и с могучими мышцами.

– Сэр Гуингнем, – представился он. – Барон Горячих Камней, а также владеец Лапуты.

– Сэр Ричард, – ответил я. – Злая судьба обременила меня целой гроздью титулов, и когда я еду даже вот по такой пустыне, они гремят за мной следом костями всех вымерших предков.

Он весело и вкусно захохотал. Лицо его почему-то казалось нездешним, хотя для меня все лица должны казаться нездешними, но если Растер, Альбрехт или Макс для меня более, чем здешние, почти родня, то в этом бесшабашном спутнике проступает нечто совсем иное.

Ветер треплет волосы, копыта стучат особенно гулко и звонко, будоража кровь и обещая приключения. Глаза сэра Гуингнема сверкают дико, в них то и дело проскальзывает недоброе веселье, как у человека, который выкрал обратно свою похищенную возлюбленную, укрыл ее в надежном месте, а теперь возвращается мстить, карать и сравнивать владения врага с землей.

– А вас приключения находят часто? – поинтересовался я.

– Я бы хотел, – ответил он самоуверенно, – чтобы еще чаще... мы рождены для приключений и кровавых схваток, разве не так?

– Не знаю, – ответил я достаточно откровенно, – но, все верно, большая часть моей здешней жизни проходит именно так...

Он переспросил с интересом:

– Здешней?

– Ну да, – ответил я осторожно, – я приехал... издалека. Как и вы.

Он переспросил с некоторым беспокойством:

– По мне заметно?

– Почти нет, – заверил я. – Просто я несколько насторожен. В последнее время меня били часто, вот я и... стал таким подозрительным. Это пройдет после очередной серии побед. Конечно, блистательных.

Он беспечно расхохотался.

– Вы прекрасно сказали! После серии побед. Но нам нужно время от времени, не слишком часто, но все же терпеть поражения. Чтобы потом победы чувствовались на вкус ярче.

Я поинтересовался:

– Вы эти края знаете?.. Кто живет поблизости? Есть ли гостеприимные хозяева? Есть ли места, где укрыться, если вдруг за мной будет погоня?

– Если погоня, – ответил он незамедлительно, – надо драться!

– Но если врагов много?

– Все равно драться!

– А если слишком... а конь устал, пальцы уже не держат меч, а в голове гудит, как в дупле с рассерженными пчелами?

Он подумал, ответил нехотя:

– Ну, укрыться здесь можно разве что в замке Горячих Мечей.

– Он кому принадлежит?

Гуингнем покосился на меня с легкой иронией.

– Королю Тангеру.

– Королю Тангеру, – повторил я с недоумением. – Вот уж не думал, что в Армландии есть места, которые принадлежат какому-то королю.... За исключением короля Барбароссы!

Он чуть-чуть раздвинул губы в улыбке.

– И да и нет, дорогой друг.

– Это как? – поинтересовался я. – Хотя по этим краям странствую недавно, но я не слышал о таком замке! Как и о короле... как вы его назвали?

– Король Тангер.

– Да-да, король Тангер! Насколько помню, такого короля нет и в соседних королевствах.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

– Да, чувствуется, что вы в этих землях недавно... Король Тангер жил тысячу лет тому назад. Замок его давно разрушен, но каждые триста лет в некую лунную ночь он поднимается вновь во всей грозной красе.... и стоит, как новенький, почти лунный месяц. В нем никто не живет, слава о нем дурная, но смельчаки раз за разом проникают во все щели в поисках сокровищ.

– Что-то находят?

Он покачал головой.

– Нет. Там и не было ничего особенного. Заговорщики, свергнувшие короля, вывезли оттуда все ценное, даже мебель, а уже потом велели разрушить замок.

Легкая дрожь пробежала по моему телу.

– Где этот замок?

– Вон там...

Он указал вперед.

– За той горой?

– Нет, ближе. Видите, роща?.. за ней пустошь, еще одна роща, а в ней этот замок. Увидите внезапно. Его увидеть можно, когда подойдете совсем близко, что бывает и небезопасно.

Он хохотнул, я спросил настороженно:

– Подстрелят со стены?

Он махнул рукой.

– Если есть люди, то явно разбойники. Но и звери привыкли нападать оттуда внезапно. Как-то чувствуют, что их не видят...

Впереди показался берег реки, сэра Гуингнем внезапно умолк, на лице проступило беспокойство.

– Река? – пробормотал он. – Здесь уже река?..

– Да вот выпрыгнула, – ответил я ему в тон. – Тыщи лет текла вон там, потом тыщи лет здесь...

Он несколько принужденно засмеялся:

– Да, реки часто меняют русло...

– Иногда – с каждым наводнением, – заверил я.

Он вздохнул.

– Тогда придется искать мост. Или паром.

– Не спешите, – сказал я доброжелательно. – Мы не знаем, что здесь за река. Может быть, курице по щиколотку?

Кони бодро взбежали на пологий берег, с той стороны тоже плавный спуск к воде. Уже отсюда я рассмотрел, что река разлилась во всю ширь, а широкие реки не бывают глубокими. К тому же просматривается песчаное дно, значит, в самом деле неглубоко. Конечно, не по щиколотку курице, но вряд ли вода поднимется выше стремян.

– Вперед! – сказал я бодро.

Зайчик ринулся вниз, полоска воды стремительно приближалась. За спиной раздался испуганный вскрик:

– Сэр Ричард, стойте!.. Это опасно!

Я обернулся в седле, улыбнулся и помахал рукой.

– Для меня? Вы шутите...

Сэр Гуингнем на своем могучем коне маячит на том же месте, не спустившись даже к воде. Я помахал рукой и отвернулся. Зайчик ускорил шаг, сверкающие крылья воды выросли справа и слева, а когда вылетели на отмель, сэр Гуингнем все еще оставался на прежнем месте.

Я махнул ему рукой вполне дружелюбно, хотя уже понятно, кто это, но для меня важнее интеллигентность и куртуазность собеседника, чем линия благородной крови или массивный крест на пузе, что якобы указывает на ревностного христианина.

Спасибо Миртусу, предупредил, что на этих землях время от времени появляются некие демоны, не трогают тех, кто едет через их территорию в одиночку. Потому в старину было немало недоразумений, когда через жуткие земли свободно проезжал какой-нибудь запуганный гонец, но истреблялись отряды могучих рыцарей. Погибло немало народу, пока удалось вычленить эту закономерность.

Я, конечно, трусил, все-таки не один, вон мчится Бобик, странно не обративший на демона внимания вовсе, словно его и нет, но Бобик вроде бы не в счет, так что теоретически я неприкосновенен для прямого физического вреда. А для непрямого защищен прежде всего осторожностью и, может быть, скрытым под рубахой крестиком из Ватикана.

Демоны не в состоянии пересечь любую текучую воду, потому так легко определить в случайном спутнике демона и отвязаться от него, почаше пересекая речушки, ручьи, даже подводя к бьющим из-под земли ключам.

Замок Кнаттервиль, как мне и сообщили, в самом деле не ахти, я придержал Зайчика на холме, откуда хороший вид на окрестности, покрутил головой. Бобик пронесся было по инерции чуть ли не до самых ворот, оглянулся, зло гавкнул и ринулся обратно, морда рассерженная, что это его всегда дурят.

Хотя место для замка неплохое, тоже на вершине холма, но деревья то ли не вырубili, то ли выросли за это время, а это очень неблагоприятно, когда вот так можно под их защитой подобраться совсем близко к стенам. А вот с того роскошного и великанского ясеня можно по ветке проползти и опуститься прямо на стену. А на самой стене башни расположены не совсем удачно: много слепых мест, куда не проникает взор стражей, левая стена прохудилась настолько, что вываливаются камни.

– Вперед, – сказал я Зайчику. – Ну, я их всех вздрючу... Всех дураков и лодырей на лесоповал!

Ворота распахнуты – вообще непотребство. Хотя надо разобраться, а вдруг это местные так поверили мне, что отныне везде рай и теперь даже воровать не будут.

Двое плотников и кузнец, матерясь, взялись у штырей, где висят створки, звякает металл, слышится надсадное дыхание. По ту сторону ворот, правда, сразу несколько человек выставили было копья, но сразу же опустили, признав лорда всех лордов.

– Где сэр Уорвик? – потребовал я.

– С отрядом пустился в погоню, – отрапортовал браво один.

– Давно?

– Сразу же, как отбили нападение!

– Гм, – сказал я, – вообще-то разумно. Но ворота нужно закрыть, это что такое?..

Страж сказал виновато:

– Да их повредили чем-то... Скоро сделаем.

Я пустил коня по двору, следы схватки быстро убирают, женщины заливают водой каменные плиты и мокрыми тряпками смывают кровь.

Конюх выбежал навстречу, я бросил ему повод, Пес метнулся было к донжону, но, видимо, не уловив вкусных запахов, благовоспитанно дождался меня и пошел рядом, солидный и важный, гордо поглядывая по сторонам: все ли видят, с кем он идет.

Глава 7

В замке прохладно, стены из массивных гранитных глыб, в щелях даже зеленеет мох, который на внешней стороне сожгло солнце.

Мы с Псом шли по анфиладе залов, небольших, похожих на пещеры с множеством сталагмитов, так выглядят массивные колонны, поддерживающие свод.

В двух залах на стенах мозаика из цветных кирпичей, героические сцены борьбы и насилия, но слишком уж, на мой взгляд, крупные камешки. Зато хоть какие-то цветные пятна среди сплошной серо-зелености векового камня.

Стражи моментально застыли, я подумал с удовлетворением, что моя слава крутого грессграфа докатилась и сюда, потом заметил, как они в ужасе вытягиваются и даже привстают на цыпочки при виде подбегающего Бобика.

– Тебя бы в грессграфы, – сказал я ему с завистью. – А я бы дурака валял. Это я умею лучше всего. Дурака валять – это... эх! Увы, ты хитрее.

Вдали широкая дверь с затейливым гербом, стражи поспешно распахнули и отступили от середины как можно дальше, вжались спинами в стены, царапая камни металлом доспехов.

Бобик вбежал первым, послышались испуганные крики. Я не стал кричать «Бобик, ко мне», «Бобик, не пугай людей». Уже ради этого стоит огрессграфиться, никто не потребует, чтобы пса на поводке в наморднике и чтоб непременно совочек в пакетике.

Навстречу заспешил старший слуга, шарахнулся от Бобика, но не забыл угодливо кланяться и разводить за чем-то, как в танце, руками.

Я спросил грозно:

– Где управляющий?

Он ответил поспешно, взгляд прикован к Бобику:

– Укреплял стену, а потом увидел каких-то бродяг... или разбойников, погнался за ними.

Я поморщился.

– Сперва сэр Уорвик, а теперь и сенешаль... Так и в засаду вскочит, не заметит. Горячий больно. Молодой, видать?

– Пятьдесят три этим летом исполнилось!

– Совсем малец, – сказал я великодушно, чувствуя себя намного старше, я ведь знаю и умею больше. – Горячий пока ищцо... Ладно, где леди Лоралея?

– В своих покоях, – ответил он еще поспешнее. – Она не покидает их вовсе. Даже в сад не выходит.

– А обедает где?

– Ей приносят прямо в ее спальню.

– Сибаритка, – сказал я с удовольствием. – Ладно, навестим ее там.

– Послать предупредить?

– Обязательно.

Он сам помчался на второй этаж, я проводил его задумчивым взглядом. Лоралея не покидает отведенного ей места, это исключает ее участие в попытке удрать. Иначе стремилась бы почаще выходить в сад, а то и совершать прогулки за пределами замка. Что ж, это снимает с нее часть вины. Но только часть. А так виновата уже тем, что женщина. Ишь, незрелые юнцы, вроде Кристофера де Марка и графа Арлинга готовы ради нее на всяческие безумства! И неважно, что те юнцы уже в возрасте. Мужчины мужают вне зависимости от календаря.

И остаются дураками тоже вне смены сезонов.

Я не пошел сразу к пленнице, пусть оденется, если вдруг еще в постели, кто их знает, этих избалованных красоток, пошел осматривать замок.

Вообще-то надо быть олухами, чтобы не пробраться сюда незамеченными и не выкрасть все, что плохо лежит. Замок он только потому, что здесь принято называть замком любой укрепленный дом. Помню, в каком-то королевстве достаточно было на крыше поставить из камня зубчики, чтобы хата обретала статус замка.

Зубчики – самая важная часть. Потому и на всех коронах всегда зубчики. На одних больше, на других меньше. У гроссграфа вроде бы нет отдельной короны, но можно модернизировать обычную графскую, сделав ее побольше и пошире. Но так, конечно, чтобы не смахивала на герцогскую, а то покажусь самозванцем.

У коновязи двое коней уныло жуют овес из подвязанных к мордам торб, ноги заляпаны грязью по самые животы. В сторонке телега с вскинутыми к небу оглоблями.

Я задрал голову, стены низковаты, перебраться через них раз плюнуть. За спиной послышались шаги, старший слуга снова кланяется низко и часто, за ним трое понурых челядинцев.

– Ваша милость, – сказал он торопливо, – сэр Уорвик вернется и захочет наказать вот этих...

– За что? – спросил я.

– Вот этот, – сказал он и указал пальцем, – заметил чужаков, но не поднял тревогу... Этот тоже увидел их чуть позже, но смолчал...

Челядинцев трясет, я вперил в них грозный взгляд.

– Это верно?

Один пролепетал, дрожа, как осиновый лист:

– Вер...но...

– Почему не поднял тревогу?

Он вскрикнул жалобно:

– Простите, ваша светлость! Я просто не подумал, что это нападение. Чужие люди... они могли проехать через ворота, откуда я знаю? Я из подвала как раз вышел, долго окорок выбирал для господина Уорвика. Он требует, чтоб мясо с прожилками...

Я повернулся ко второму.

– А ты?

Он упал на колени.

– Помилуйте, виноват!

– Как? – спросил я. – Взял у них деньги?

Он затряс в ужасе головой.

– Нет, никак нет! Но я собирался пойти спать, голова трещит, еще и нога болит, мой дурак напарник уронил мне на ступню целое бревно... и когда увидел чужих людей, то не до них было... И тоже не подумал, откуда они вдруг взялись на ночь глядя. Гости, думал.

Все затаили дыхание, я снова посмотрел поверх голов на низкие стены. Да, Лоралею здесь не уберечь...

Старший слуга сказал угодливо:

– Может быть, сами накажете, ваша светлость?

Я перекрестился – это надо делать время от времени, пусть слухи идут, как о благочестивом, – и ответил словами из Библии, память у меня благодаря дару предков герцога Готфрида, как у стада африканских слонов, что, как известно, крупнее индийских:

– Отец Небесный повелевает солнцу восходить над злыми и над добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. А я, как правитель, должен тоже... гм... проявлять, да, проявлять. Если перебить всех неправедных, живых в Армландии не останется... а последним должен буду удавиться я сам! Нет уж, себя оправдываю, оправдаю и других. Хотя других, понятно, оправдывать ой как неохота... Все свиньи, один я в белом, но не скажешь же такое вслух, не поймут, дураки... Словом, пошли все вон.

Старший вскрикнул обрадованно:

– Премного благодарны, ваша светлость!

Умчались, будто их несло ветром, а я подумал с досадой, опять меня использовали. Понимают, сволочи, что гроссграф в мелочи вникать не будет, махнет рукой и просто прогонит. А вот сэр Уорвик или управитель замка могли бы и выпороть жестоко.

В небе зажглись звезды, когда поднялась решетка ворот, во двор въехали при свете факелов с десятков всадников на усталых конях. Медленно слезали, раздавали поводья слугам.

Я вычленил взглядом сэра Уорвика, ему уже шепнули насчет прибытия лорда, он выпрямился и пошел ко мне, стараясь согнать печать усталости с лица.

– Сэр Ричард, – сказал он еще издали, – к сожалению, следы отыскать не удалось...

– Уходили по каменной дороге? – спросил я.

– Нет, – ответил он сумрачно. – Магия. Мы попадали то в болото, то в лес, хотя чувствовали, что едем по старой дороге, которую знаем вдоль и поперек. Один раз даже влетели в огонь.

– Магический?

– Да. Но ожоги остались. А на одном из наших сторела одежда.

Я присвистнул, вот уж за что не люблю магию, ею умеют пользоваться и противники.

– Отдыхайте, – велел я. – Пожалуй, насчет леди Лоралеи придется принять меры.

Он сказал, защищаясь:

– Мы их хорошо встретили! У них половина полегла.

– Вы молодцы, – похвалил я. – Но в другой раз могут придумать что-то круче. Отдыхайте.

А я навещу пленницу.

На этот раз я не стал отвлекаться на что-либо, прошел в донжон. Где взбежал по лестнице и толкнул дверь в комнату пленницы.

Помещение невелико, с низким потолком... даже не потолком, а сводом, здесь в каждом помещении, как в деревенской церкви, не крыша, а купол. Еще большой ковер на полу, а так все бедненько, убого, но чисто и опрятно.

Леди Лоралея спиной ко мне за столом, перед ней ларец, тонкие изящные пальцы перебирают блестящие безделушки. Даже со спины я увидел, что она печальна и подавлена, роскошное богатство волос плотно укрыто странного вида платком, что прячет даже малейшие пряди.

Бобик, повинаясь моему строгому взгляду, сразу же сел и, высунув язык, смотрел на пленницу со снисходительным интересом. Леди Лоралея при стуке двери обернулась, я сразу увидел, что побледнела с последней нашей встречи, под глазами болезненная синева, щеки запали еще больше.

Но глаза ее вспыхнули, она вся заискрилась радостью, порывисто вскочила, едва не уронив стул.

– Сэр Ричард!.. Ох, какая прелестная собачка... Это ваша?

Малость озадаченный, я коротко поклонился.

– Да, леди Лоралея.

– Что-то случилось?

Бобик поднял зад, Лоралея не дрогнула и бровью, когда он подошел к ней и ткнулся мордой в живот. Перебирая ему толстый загривок, она смотрела мне в лицо с вопросом в прекрасных глазах.

Еще больше озадаченный, – ишь, не убегает с по-женски привычно поросычьим визгом, – я пробормотал:

– Вообще-то многое случилось и даже стряслось... Я прибыл за вами, леди, дабы перевести вас в более подходящую... комнату.

Последнее слово я успел вставить взамен уже слетавшего с языка «тюрьму». Лоралея спросила в удивлении:

– Перевезти? В комнату?

Бобик поворачивал голову, подставляя новые места для чесания. Ее пальцы мяли ему жирную холку, больше похожую на медвежью, а глаза не отрывали от меня вопрошающего взгляда.

Я пояснил неуклюже:

– Комната, вернее, ваши покои, будут находиться в другом замке. Я его как раз только выстроил. Крепость, а не замок, так что там вас уж точно не выкрадут!

Она смотрела спокойно и бесхитростно, не пытаясь ни кокетничать, ни получить какое-то преимущество, я эти штуки просекаю, ученый, а я смотрел и пытался понять, почему лорды так дрались за нее смертным боем. Хороша, даже красива, очень красива, но красивых женщин я успел повидать по Армландии... и не только в ней. Из-за них не сходятся на поле битвы, не захватывают замки, не похищают. Даже морды друг другу не всегда бьют.

– Леди Лоралея, – сказал я с учтивым поклоном, – я прибыл позаботиться о вашей безопасности.

Она мягко улыбнулась.

– Считаете, это необходимо? Сэр Уорвик очень хорошо охраняет здесь. Несмотря на то, что замок так мал...

– Вот-вот, – согласился я. – Замок маловат, это чревато боком.

Она смотрела на меня блестящими глазами, на бледные щеки начал возвращаться румянец.

– Да, я сама люблю, чтобы не так все военизировано. Когда меня собираются перевезти?

– Если вы не против, – сообщил я с новым поклоном, – то немедленно.

А если против, добавил про себя, напоминая себе, кто я и каков я, то пофиг, все равно поедешь. Не хочет коза на базар, так ведут же.

– Я готова, – сообщила она быстро. – Какая прелестная собачка... Обожаю таких толстых! Уютные, теплые... А какие мягкие!

– Гм, – проговорил я уже обалдело, – вы это... хоть блестяшки заберите. Ларец это... красивый. Ага.

Она отмахнулась.

– Да зачем они? И не мои это, сэр Уорвик подарил... Пусть остаются, мне они ни к чему.

– Пусть, – согласился я, а нечто во мне поставило ей крохотный плюстик за такую немеркантильность, немислимую для женщины. Эти дуры от многого могут отказаться, но не от блестящих безделушек... – Вообще-то это вы их украшаете, а не они вас. Тогда, если не против, я пойду распоряжусь насчет повозки. А вы готовьтесь.

Она снова заверила:

– Я готова! Переодеваться? Зачем?

Редкая женщина, подумал я озадаченно. Такая красотка, а не стремится менять наряды каждые полчаса. Вот леди Элизабет только и делала, что прыгала из одного платья в другое, сооружала новые прически, цепляла побрякушки, как и все дамы в Люнебурге. А с этими мушками так и вообще что творят... Хорошо, тут их не знают.

Я бросил взгляд на ее чистое безукоризненное лицо. Нет, даже если сюда дойдет эта глупая мода, Лоралея не клюнет. Почему-то чувствую, что обезьяньи ужимки не для нее.

– На дворе ночь, – сказал я.

– Небо ясное, – ответила она таким же ясным голосом, – луна светит... А я еще и днем поспала... Тут совершенно нечем заняться!

– Хорошая привычка, – одобрил я. – Но все же... гм... дождемся рассвета. Я плохо знаю эти места, а в Армландии есть земли, где ночью шастают совсем другие звери, чем днем. Встречаются такие, на которых совсем не хотел бы наткнуться.

Улыбка тронула ее пухлые, красиво очерченные губы.

– Шутите! Я наслышана о вашей неустрашимости.

– Это другое, – буркнул я. – Днем мы проскочим за пару часов, а ночью придется драться всю дорогу, и все равно приедем в то же самое время, как если бы выехали утром!

Она улыбаться перестала, теперь в ее глазах было только безграничное уважение.

– Да, я уже вижу, что вы настоящий мужчина, а не безголовый драчун... Хорошо, сэр Ричард, к рассвету я буду готова!

Я поклонился и вышел, хотя вообще-то до свинячьего писку хотелось остаться и поговорить. Но надо научиться обрывать разговоры раньше, чем они наскучат, и уходить, как только сказано главное.

Глава 8

Странное возбуждение не отпускало меня остаток ночи. Я ходил по комнате, ложился, ворочался с боку на бок, вставал и снова ходил, наконец оделся и подошел к окну, смирившись, что короткая летняя ночь пролетит без сна.

Воздух только к утру посвежел, в окна потянуло прохладой. Я ощутил, что вот сейчас мог бы заснуть, однако на крыше проснулась и чирикнула сонно птица, а во дворе заскрипело колесо колодца.

Я попинал Бобика, он открыл один глаз и посмотрел на меня с укором.

– Как хошь, – сказал я, – оставайся и спи, если хочешь. А я поехал.

Он закрыл глаз, еще и морду прикрыл лапой, толстой, как у откормленного медведя. Я вышел и закрыл дверь, но когда спустился по лестнице и открыл дверь во двор, Бобик носился от стены до стены, пугая кур, а на меня посмотрел с великим удивлением: не засыпал ли я на каждой ступеньке?

– Ладно, – проворчал я, – займемся делом...

Он помогал мне выбирать лучшую повозку, и даже указал на лучших коней, но когда я посмотрел на них и прикинул, сколько же будут тащиться, взвыл в тоске. А как же мои грандиозные планы? Я и на час не могу и не хочу их откладывать, уже наоткладывался.

Дверь распахнулась, в сопровождении служанки вышла леди Лоралея. В дорожной темной одежде, высокая, строгая, похожая на монахиню в этом платке, когда миру открыто только лицо, сплошная одухотворенность и возвышенность, из-за чего только и дрались, как бараны, эти ошалевшие лорды.

Только теперь я обратил внимание, что леди Лоралея в изящном платье довольно простого покроя, но сшитого с таким чувством меры и пропорций, что даже и не знаю...

А вообще, одежда – ерунда. Леди Лоралея сложена так чудесно, что, в каком бы туалете ни появилась, платья на ней не видно.

Бобик понесся к ней, взбрыкивая, как козленок. Сэр Уорвик, стоя сбоку от крыльца, подал руку. Она слегка коснулась ее кончиками пальцев, принимая услугу и в то же время демонстрируя, что лишь из вежливости, а так пошла по ступенькам, не отрывая вопросительного взгляда от моего лица.

Когда она была уже у повозки, я проговорил, решившись:

– Впрочем... время не ждет. Леди Лоралея, вы поедете со мной на моей лошадке.

Она обернулась, тонкие брови в изумлении приподнялись.

– Полагаете, так будет быстрее?

– Уверен, – сказал я.

– А... удобно ли?

– Абсолютно, – заверил я. – Никакого урона вашей чести.

– А вашей?

– Тоже, – сказал я совершенно бездумно.

– Как скажете, сэр Ричард, – ответила она послушно.

Я с облегчением вспрыгнул в седло. Озадаченный сэр Уорвик приготовился помочь ей подняться ко мне, но Лоралея ухватила за мою требовательно протянутую руку, я вздернул ее к себе, она сразу очутилась в моих объятиях.

Служанка осталась смотреть с открытым ртом в великом изумлении. В руках у нее два узла с одеждой. Я хотел было принять их, но посмотрел на Лоралею и сказал служанке:

– Оставь себе. А для леди Лоралеи найдем что-нибудь, как только она восхочет сменить туалеты.

Служанка пробормотала испуганно:

– Как прикажете, мой лорд.

Зайчик фыркнул, в нетерпении переступил копытами. Сэр Уорвик подал знак стражам на воротах, там заскрипела решетка, пошли в стороны тяжелые створки.

Сэр Уорвик что-то говорил, я чувствовал в его голосе облегчение и сожаление разом, но слышал плохо, в ушах все громче грохот водопадов крови, она нагревается и нагревается.... Тьфу-тьфу, недолго и до кипения.

Зайчик выметнулся из-под арки ворот горделивый и красивый, это чтоб не сомневались, что донесет и двоих, некоторое время шел крупной рысью, а когда башни замка скрылись за деревьями, начал набирать скорость.

– Закройте глаза, – сказал я Лоралею. Она послушно закрыла глаза и уткнулась лицом мне в грудь. – Не пугайтесь, я укрою вас, а то ветер почему-то...

Она прошептала:

– Я не боюсь. Вы же знаете, сэр Ричард...

– Что?

– Женщинам никогда с вами не страшно.

Мимо мелькают уже не деревья, а рощи и леса, сменяются холмами, под нами проскакивали ручьи и мелкие речки, мельтешит от сменяющихся зеленых и желтых пятен, а я, обхватив Лоралею обеими руками, сам пригибался от встречного урагана, в черепе стучит непонимающе-лестное: что она имела в виду? Приятно, конечно, однако...

В крепости меня заметили лишь в момент, когда мы влетели под арку и остановились во дворе. Ворот еще нет, как и решеток, есть только каменный остов грозной и несокрушимой крепости из монолитного гранита повышенной прочности, если это гранит, ну пусть гранит, его не сокрушить ни катапультами, ни даже из пушек, когда те появятся.

Я спрыгнул с коня, народ начал сбегаться со всех сторон, стражи пристыженно опускали головы. Я протянул руки к Лоралею, она легко и бестрепетно соскользнула с высокого коня мне в руки, легкая и нежная, разогретая за время скачки.

По моему телу пробежал сладкий трепет. Я медленно опустил ее на землю, сердце тукает счастливо, как довольный цыпленок, которому насыпали целую горку вкусных зернышек.

– Все в порядке, – сказал я стражам и поспешившим в нашу сторону рыцарям. – Занимайтесь своими делами. Я сам покажу леди Лоралею ее... место.

Стражи, видя мое лицо, начинали ухмыляться, двери перед нами распахивались с подозрительной поспешностью. Последнюю дверь я открыл перед нею сам, сделал широкий жест.

– Леди Лоралея, ваши апартаменты.

Первым вбежал Бобик, заметался из стороны в сторону, все высматривая и вынюхивая. Лоралея сделала шаг, глаза широко распахнулись, я услышал восторженное:

– Сэр Ричард! Как здесь чудесно!

– Нормально, – ответил я польщенно, – вообще-то недостаточно женственно, чтобы соответствовать... гм... Это военная крепость, здесь не до удобств...

– Что вы, сэр Ричард! Все замечательно!

Я покачал головой.

– Располагайтесь, а я подумаю, чем украсить эти покои.

– Зачем?

– Чтобы вам понравилось больше.

– Мне и так все нравится.

– Совершенству не бывает предела.

Я поклонился и, хотя мучительно хотелось остаться и общаться с нею, глядя в ее удивительные глаза, наслаждаясь звуками ее щебечущего голоса, все же отступил и вышел за дверь.

Гроссграф или не гроссграф, мать вашу, а если гроссграф, то думай о судьбах Отечества, а не о ее весьма аппетитных даже с виду сиськах. Да и вообще, надо о высоком. Не чистом, об этом пусть эстеты, не о грязном, об этом политики, а именно о высоком, крупном и значительном, как и надлежит крупному государственному деятелю. Это я теперь крупный, запомни, балда.

Слуги разбегаются при моем появлении, словно я не только крупный, но и ужасный. Типа, для забавы могу на кол. Это хорошо, пусть боятся. Я, конечно, демократ, но я ближе к эллинской демократии, когда все равны, все имеют избирательные права, все свободны и у каждого не меньше двух рабов.

Через пару часов, наобщавшись с рыцарями, наотдавав распоряжений и даже проголодавшись, я напомнил себе, что надо посмотреть, как чувствует себя наша знатная пленница. Или не знатная, но прекрасная. Во всяком случае, дрались за нее знатно, значит – знатная.

Ей передали, что я пообедаю в ее обществе, это не выглядело просьбой, я сразу взял курс на жесткость, пусть знает, что здесь ей не там, тут не пройдут хиханьки и ужимки, здесь суровые и жесткие мужчины. И в ее покои я вошел уверенной походкой хозяина.

Леди Лоралея вскочила, довольная и сияющая, в глазах блестят звезды, платок сняла, блеск волос затмевает свет люстры, сердце мое застучало чаще.

Я сглотнул слюну, голос мой прозвучал не так уверенно, как мне хотелось:

– Надеюсь, вам передали, что я изволю обедать с вами.

Она воскликнула:

– Да, я счастлива, сэр Ричард!

– В самом деле? – переспросил я с сомнением.

Стол накрыт на двоих, это заметно по двум креслам, а так на нем еды и питья на отряд тяжеловооруженных кнехтов или троих растеров.

Все-таки я дождался, когда она сядет, тяжело и солидно опустил задницу в кресло напротив. У Лоралеи ни следа от усталости и бледности, щеки покрыты живым естественным румянцем, пухлые губы стали вдвое пухлее, глаза блестят, а в голосе прозвучал откровенный восторг:

– Какое великое дело вы затеяли, сэр Ричард! Мне тут рассказали слуги, я просто не поверила сперва.

Я насторожился.

– Какое? С вашего позволения начну сразу с горячего, проголодался, уж простите...

– Да-да, сэр Ричард, все что угодно!.. Объединить всех этих лордов в одну большую семью, чтобы прекратились эти ужасные войны, которые я, как женщина, ненавижу!.. Какое великое дело, вы уж, сэр Ричард, пожалуйста, не бросайте на полдороге!.. А теперь, когда удалось, постарайтесь, чтобы не развалилось.

Я едва не удавился куском горячего мяса, вытаращил глаза, просипел полузадушенно:

– Да-да...это главная цель...

– А будет прекрасно, – воскликнула она с таким жаром, что даже ложку с драгоценным бульоном задержала у рта, а потом и вовсе опустила в тарелку, – когда дороги освободятся от разбойников!.. Торговцы проедут везде свободно, у нас появятся шелка из Турнедо, драгоценности из Шателлена, а в Фоссано шьют такие изумительные сапожки!..

Я кое-как совладал с застрявшим мясом, запив вином, в голове сумбур, пробормотал смятенно:

– Вы настолько правы, что даже не знаю... Могу добавить разве насчет цены... Товары резко подешевеют, когда исчезнут поборы на границах лордств. Все люди станут одеваться красивее, что... гм... вызовет новый подъем... энтузиазма. В смысле, производства. Наверное. Тут надо посоветоваться со специалистами. В смысле, сесть и обдумать.

– Не бросайте, – повторила она умоляюще. – Никто, кроме вас, такое даже не брался делать!

Да что за хрень, мелькнуло у меня ошалелое. Я же привез по– быстрому устроить эту куколку так, чтобы никто не дотянулся, пока не сплавлю подальше, лучше за пределы Армландии! А сажу, раскрыв рот, слушаю удивительно умные речи.

Я торопливо взялся за сладкое, надо пожрать и слинять, пока эта сирена не очаровала и меня, пробормотал, разрезая широким ножом истекающие медом соты:

– Не брошу, не брошу... Ради этого и стал гроссграфом. Вообще-то мне куда лучше было странствующим рыцарем... Ни за что не отвечаешь, никому ничем не обязан, едешь себе и бьешь по голове встречающих и даже поперечных. Спасает кого-нибудь, за что тебя благодарят так, будто мир спас. Мелочь, а приятно.

Ее глаза вспыхнули, а лицо воспламенилось.

– Правда? – выдохнула она с жаром. – Тогда вы пошли на великую жертву, сэр Ричард!.. Умоляю вас, продолжайте держать Армландию единой. Это не только потому, что мы, женщины, предпочитаем мир и живых мужчин, а не гробы, но... все расцветает, когда войны нет... долго! Или хотя бы продержитесь гроссграфом подольше.

– Как скажете, – ответил я с галантной улыбкой. – Значит, держать Армландию единой и неделимой?

– Да!

– Свобода торговли и никаких пошлин?

– Да, – произнесла она с жаром. – Разве это не самая великая цель? Воевать каждый может! Для этого ума не надо. А вот строить... На это решаются только самые мудрые и мужественные. Ведь славу проще всего обрести разрушениями, как ни грустно.

В обалдении я машинально создал чашку с горячим кофе, спохватился, но отступить поздно, протянул ее Лоралее, а себе создал другую.

Лоралей взяла чашку не глядя, взгляд ее прикован к моему лицу, и поднесла ее к губам тоже не глядя. Я смотрел, как пьет мелкими глотками, ни разу не изменилась в лице, ни тени недоумения при виде незнакомого напитка, даже не спросила опасно ли, что это: раз я дал – пьет.

На стол опустила уже пустую, все так же не отрывая от меня взгляда.

– Понравился кофе? – спросил я.

– Да-да, – ответила она сияюще, – просто великолепен! Вы очень любезны, сэр Ричард! Под вашей внешней суровостью бьется нежное и чувствительное сердце.

А вот уж хрен, ответило во мне нечто насторожившееся. На комплименты не ловлюсь. Но вот чашке кофе совсем не удивилась, гм...

– Я рад, – сказал я и торопливо поднялся. – Сожалею, но вынужден оставить ваше общество, леди. Дела, дела.

– Я понимаю, – ответила она кротко и в то же время с непонятной гордостью. – Дела не простые у вас, сэр Ричард! Ради дел государственных нужно жертвовать всем.

Я развернулся на деревянных ногах и двинулся к двери, чувствуя, как особенно не хочется топтать к этим государственным. Бобик наконец вскочил и выскользнул за мной в коридор, когда я уже закрывал за собой дверь.

– И тебя подкупили? – спросил я обвиняюще. – Чем?

Он повилял хвостом, глаза виноватые, но оглянулся на дверь и вздохнул.

Крепостные стены отхватили и отгородили от мира участок земли, на котором мог бы разместиться крупный город. Сейчас прибывшие плотники заканчивали строить барак на триста человек, а в ворота, которые пока еще не ворота, а только проем для них, как раз гнали крупное стадо овец под охраной полудиких пастухов и почти диких собак.

У большого костра с десятков крепких мускулистых мужиков беседуют вполголоса, а когда простучали копыта Зайчика, обернулись, вскочили, ломая шапки.

– Вольно, – сказал я. – Итак, ребята, вам предстоит важная и ответственная работа. Дабы ничто не отвлекало, я распорядился сперва насчет инфраструктуры, так что теперь есть где спать, будет что есть. Инструментом тоже обеспечим. Выберите из своей среды старосту... Я ему выдам аванс на всех, чтобы у вас было на что покупать еду. А уже он под вашим бдительным оком раздаст остальным.

Они слушали почтительно, но с достоинством. Камнерубы и каменщики всегда в повышенном спросе, их чаще не хватает, чем они в избытке.

– Работы будет много, – предупредил я. – Когда закончим крепость, переброшу на другой объект. Впрочем, часть переброшу еще раньше... Платить буду хорошо, щедро. Это не пустые слова, я заинтересован, чтобы вы и дальше работали и работали.

Один из камнерубов, я его определил по мощной мускулатуре, спросил заинтересованно:

– Это под Хребтом другая работа?

Я насторожился.

– Что ты знаешь о Хребте?

Он пожал плечами.

– Что и все. Хребет и есть Хребет. За ним Юг. Но, говорят, вы направили несколько бригад камнерубов к Хребту. И платить обещали хорошо.

На его лице я не прочел ничего, кроме материальной заинтересованности, сделал серьезное лицо и ответил, понизив голос:

– Да, там отыскивали залежи хорошей руды... Но сперва надо разобрать камни, расширить нору.

Он кивал понимающе, выражение заинтересованности растет, что понятно: здесь работы много, но она конечна, а камни ломать можно годами.

– Мы все сделаем, – заверил он. – Моя бригада отделявала собор в Реймсе!.. И эту крепость сделаем таким орешком, что сам дьявол обломает зубы!

– Не сомневаюсь, – ответил я. – Я всем им, гадам, обломаю.

Глава 9

Долина, где я расположил крепость, вся открыта солнцу, и к полудню здесь накалено, пахнет не столько цветами, как прокаленной пылью. Когда солнце в зените, даже в тени видишь, как дрожит и поднимается струями перегретый воздух. Далекие горы вздымаются в грозном блеске, вершины раскалены добела, вижу, как искрятся, стгорая вот так при каждом полдне.

Хозяйствование – самая бессмысленная и утомительная работа на свете. Взмок от жары, пыль со злорадством оседала и облепляла, быстро превращаясь в засохшую грязь, и к вечеру я чувствовал себя стариком, которому нужна палочка.

Тащиться до башни, где я устроил себе временное логово, надо через весь двор, потом наверх по лестнице, а уже затем по стене в обратную сторону, это всего метров десять вверх...

Дурак, о чем мечтаешь? Тебе тоже здесь не там, иди и не ропщи. И я пошел, а когда поднялся на стену, услышал знакомый голос. Разговаривали Лоралея и, если не ошибаюсь, виконт Карлейль, воин хороший, человек честный, хотя и слишком негибкий.

Расслышать, о чем говорят, не удастся, слишком в двадцать молотов стучат кузнецы, визжат пилы, доносится тупой стук топоров по дереву, я вздохнул, вогнал себя в личину исчезника, авось да виконт не запаса нужным амулетом, вышел на открытое пространство.

Лоралея и виконт стоят у парапета, опершись руками о каменный край и смотрят вниз. Волосы Лоралеи закрыты платком так, что снова только лицо на виду, я вижу их обоих в профиль, виконт в легком доспехе, голова открыта, в коротких волосах поблескивает седина.

Я потихоньку подходил ближе, стало слышно даже угрюмое сопение виконта. Лоралея говорила убеждающе:

– Нет-нет, сэр Карлейль, вы не правы!.. Как вы не понимаете, что только полное объединение Армландии приведет к расцвету жизни во всех ее землях!.. Эти таможенные заставы на границах даже крохотных баронств рубят на корню торговлю между городами сильнее, чем разбойники на дорогах!.. Только сейчас наконец-то купеческие караваны начинают робко перевозить товары из одного графства в другое, не страшась, что на границе все отберут...

Виконт морщился, кривился, возражал вяло:

– Дорогая Лоралея, но это же исконное право лордов брать плату за топтание своей земли...

Она всплеснула руками.

– Право? Какое право?

– Установленное нашими предками, – сообщил он.

– А у них было это право?

Он пожал плечами.

– Дорогая Лоралея, наши предки получили это право.

– Как?

– Не знаю, – ответил он с достоинством. – То ли от самого Господа, то ли взяли его острием меча... это неважно!

– Неважно?

– Да. Любое право, если это идет из глубин веков, уже освящено.

Он прав, мелькнула у меня злая мысль. Любая глупость, если ее исповедовали отцы и деды-прадеды, становится священной и неоспариваемой. В самом лучшем случае ее оставляют как знамя, герб или гимн, а живут по новым законам, но все же английская королева что-то там подписывает и произносит какие-то речи перед парламентом. Правда, попробовала бы не подписать или брякнуть не то, что на поданной ей бумажке!

Но здесь лорды настоящие, свои права помнят и так просто отступать от них не собираются. Тем более что чувствуют свою правоту: освящена и закреплена не только памятью предков, но и навязанными прошлым королям законами.

– Любое право на чем-то основано, – возразила она. – Нет, дорогой виконт, я понимаю только то право... и принимаю!.. при котором люди будут жить лучше.

Он буркнул, все так же глядя вниз:

– Люди? Это вон те, которые носят доски?

– И они, – ответила Лоралей с жаром. – Как вы не видите? Если эти люди станут богатыми, то и мы все станем богатыми!

Он покачал головой.

– Не понимаю вас, леди Лоралей. Как можно интересы этого мелкого люда ставить выше интересов могущественных лордов?

Она покачала головой, глаза ее заблестели ярче, и виконт Карлейль не отрывал от них зачарованного взгляда.

– Нет, – ответила она убеждающе, – нет противопоставления! Эти же люди кому-то да принадлежат, на чьих-то землях живут! И чем они богаче, тем больше платят налога...

Он хмыкал, пожимал плечами, не соглашался, а я отступил, вконец ошарашенный. Из личины вышел только в коридоре, ввалился в свои покои, срывая пропотевшую одежду, заорал, чтобы приготовили ванну. Служанки торопливо наполнили горячей водой бадью. Я поскорее забрался и с наслаждением сдирал когтями липкую грязь, а девушки, хихикая и делая вид, что стесняются, скоблили меня тряпочками из грубой ткани.

Когда я, чистый и чуть посвежевший, заглянул в соседние покои, Лоралей уже швыряла там игрушки в разные концы комнаты, а Бобик старался перехватить их в воздухе.

– Поужинаем вместе? – предложил я деловито. – А то у меня такой аппетит разыгрался... Коня бы съел!

– С удовольствием, – ответила она радостно. – Бобика берем?

Я заколебался, Бобик опустил зад на пол и смотрел на меня в требовательном ожидании.

– Только не давать ему ничего со стола, – ответил я наконец. – И не бросать под стол. А если бросать, то придется заказывать на десятерых. Я не знаю, куда в него столько влезает, но жрать может безостановочно.

Она счастливо улыбнулась.

– Бобик, ты приглашен!

Стол с массивным подсвечником в самом центре, три толстые свечи дают яркий оранжевый свет, настоящий яркий и праздничный, не люблю так называемые интимные полумраки.

Сверху огнем солнечного спектра заливает стол и почти всю комнату огромная люстра на сто свечей. Лоралей щебечет, щечки счастливо разрумянились, глаза блестят, веселая и довольная. Я все перебирал ее разговор с виконтом Карлейлем, странно как-то, что с виду безумно красивая, а значит, в такой же мере и безумно пустоголовая женщина так точно и правильно понимает плюсы и выгоды объединения Армландии, а не понимает такой неглупый с виду виконт Карлейль.

– Вам нравится это мясо? – спросила она живо.

– Очень, – ответил я искренне.

– Я сама его готовила, – похвасталась она.

Я раскрыл рот.

– Вы? Благородная дама?

Она удивилась:

– А почему нет?

– Но... гм... кухонная работа... грязная работа...

– Любую работу, – возразила она, – грязной или чистой делает сам человек. Во-первых, мне нравится готовить. Во-вторых, сама вижу, как работает челядь, чем занимается управитель... Кстати, вам тоже придется заниматься кухней! Только государственной. Самое главное при всяком государственном устройстве – поставить дела так, чтобы всякие управители, мелкие и крупные, не могли наживаться.

– Гм... – произнес я.

Она удивилась:

– Вы против? Сэр Ричард, иначе это разрушит страну! Управителями ставят обычно смысленных людей из народа, так как лорды ею брезгают, но когда эти управители становятся богаче и могущественнее лордов, то возмущены и лорды, и народ!

– Только соседи радуются, – сказал я.

– И злорадствуют, – добавила она.

– Гм... – повторил я. – Проблемы коррупции государственного аппарата... я еще над этим не думал... Эта зараза еще впереди...

Семирамида, мелькнула мысль, будучи женщиной, снаряжала походы, вооружала войска, строила Вавилон, покоряла эфиопов и арабов, переплывала Красное море, а Сарданапал, родившись мужчиной, ткал порфиру, восседая дома среди наложниц; а по смерти ему поставили каменный памятник, который изображал его пляшущим на варварский лад и прищелкивающим пальцами у себя над головой, с такой надписью: «Ешь, пей, служи Афродите: все остальное ничто». Лоралея не снаряжает походы, но знает о государственном устройстве больше, чем мои преданные военачальники.

– Вы решите эти трудности, – произнесла она убежденно. – Возьмите этот соус. Не я готовила, но проверила – очень вкусно.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Да, приятный запах и обворожительный вкус. Насчет коррупции... займемся, займемся.

Она сказала убежденно:

– Прежде всего нужно издать, и как можно скорее, хорошие законы! Где правит тиран, там не просто дурное государство, там вообще нет государства!

– Гм, – сказал я и поперхнулся куском в горле, – я... плохой тиран?

Она возразила лучезарно:

– Мой лорд, вы еще не тиран! Но помните, ни одну из трехсот статуй Деметрия Фалерского не успела съесть ни ржавчина, ни грязь, все были разбиты еще при его жизни. А начинал он тоже как освободитель и объединитель вечно сражающихся между собой греческих рэксов. Увы, в делах государственных ничто жестокое не бывает полезным.

– Это что же, – пробормотал я озадаченно, – обо мне уже такая слава? Гм... впрочем, я объединял Армландию, как Бисмарк Германию, железом и кровью... Но я обошелся и кровью меньшей, и провернул все быстрее... теперь мне что же, улыбаться, кланяться и разбрасывать дары панэму и цирцензесу?

– Законы, – повторила она, – только законы! Будут законы – будет государство. Даже у разбойников есть свои законы.

– А у Армландии еще нет, – согласился я.

Она сказала утешающе:

– Потому что не было и самой Армландии... как единого целого.

– Спасибо на добром слове, леди Лоралея.

– Распри среди лордов, – произнесла она грустно, – приходится расхлебывать даже не вам, сэр Ричард, а всей Армландии. Потому нужны законы, и только законы... Прочные, нерушимые, обязательные для всех. Основанные на обычае, а не на силе оружия. В Спарте полководец, достигший своей цели благодаря хитрости и убедительным речам, приносил в жертву быка, а победивший в открытом бою – петуха. Если даже спартанцы полагали слово и разум

более достойными средствами действия, нежели сила и отвага, то надо ли нам уповать на оружие?..

«Нам», отметил мой мозг автоматически, но в душе шевельнулось теплое: эта женщина так искренне и горячо приняла мои проблемы, будто они и ее личные.

– Эх, – сказал я, – если бы мои военачальники вот тоже так же...

– Мужчины любят воевать, – произнесла она грустно, – и очень боятся, как бы никто не подумал, что они трусят.

Я сказал невольно:

– Но ведь трусость... гм... всегда и везде была... ну, не совсем достоинством.

Она сказала живо:

– Нет стыда убежать с поля боя, если грозит неминуемая гибель! Ахилл, Аякс и все герои, которых ставят в пример, выходили в бой, закованные в доспехи и вооруженные до зубов. Это что, трусость?

Я сказал с усмешкой:

– Пока что такого никто не говорил.

– Когда Ахилл, – продолжила она, – лишился из-за гибели Патрокла своих доспехов, которые тот одолжил, он вообще не выходил из шатра, разве не так?

– Так, – подтвердил я.

– А в бой пошел, когда ему дали доспехи, которые вообще невозможно пробить никаким оружием! Разве это его позорит?

– Гм, – сказал я, – как-то даже не подумал... С точки зрения рыцарства он провел поединок с Гектором нечестно.

– Но воспевают Ахилла? – спросила она живо. – То-то! Греческий закон карал того, кто бросил щит, а не того, кто бросил меч или копье! Потому что важнее избежать гибели самому, чем погубить врага!.. И вообще, мой господин, хороший полководец должен умереть от старости, а не на поле боя!

Она улыбалась чисто и светло, от нее исходит материнское тепло, в то же время выглядит такой обольстительно зовущей, что я сказал себе жестко: нет уж, нет уж. Я – государственный деятель, нам не до баб-с. Тем более что я уже открыл великую истину, что бабы все одинаковы, а если так, зачем переплачивать? Надо брать, что подешевле. Служанок, к примеру.

Закончили медовыми пирогами, я снова сотворил кофе, Лоралея отпивала мелкими глотками, но безбоязненно, чему я снова восхитился. Когда она поднимала веки, казалось, что снимает с себя всю одежду. И когда опускала их, я тоже чувствовал, как опускает платье с белых нежных плеч, вот ткань сползает еще ниже, обнажая полную грудь, нежный женский животик, наконец платье складками укладывается на полу, а она грациозно переступает через этот лишний ворох, идет ко мне, словно плывет по воздуху...

Я вздрогнул, перехватив ее взгляд, по-женски понимающий. Женщины если и не разбираются в движении небесных светил, то очень хорошо понимают, что значат наши взгляды.

Она медленно поднялась, отодвинув стул, снова бросила взгляд на дверь, ведущую в спальню. Я застыл, когда она, оставив дверь открытой, начала медленно и грациозно сбрасывать одежду. Стыдливость, вспомнилось, это свойство, которые мы почему-то приписываем женщинам.

Лоралея сбрасывала одежду просто и естественно, без всякого кокетства и ужимок, без эротики, присущей стриптизу, но получилось у нее так, что внутри меня все взвыло.

Так же медленно и грациозно она опустилась под одеяло. Я перехватил слегка удивленный и вопросительный взгляд. В черепе замесились горячечные мысли, как суметь отказаться, я железный, вон лежит голая женщина и смотрит на меня в требовательном ожидании, ни один мужчина не сможет отбрыкаться, трусы закомплексованные, как бы чего про них не подумали, а я вот сумею, сейчас подойду и скажу...

Я подошел, она протянула ко мне белые нежные руки. Одеяло соскользнуло, обнажив дивной формы грудь с широкими алыми сосками. Ниппели уже затвердели и поднимаются мне навстречу, похожие на спелые ягоды земляники.

– Как хорошо, – выдохнула она счастливо, – как замечательно... принадлежать самому могущественному человеку в Армландии!

Руки мои, почти не подчиняясь мне, совлекли одежду. Я нырнул к ней в ложе и сразу погрузился в негу и счастливое блаженство, которого не испытывал с момента рождения на свет.

Я, наверное, безумствовал бы в постели всю ночь, но Лоралея мягко, но настойчиво напомнила несколько раз, что завтра у меня с утра трудный день, надо поспать, сама уложила меня в позу эмбриона и придержала так, пока я не провалился в глубокий счастливый сон.

Выныривал я, переполненный ликованием и таким счастьем, словно уже по всей Армландии провел широкополосный Инет. Лоралея спит рядом, прижавшись щекой к моей руке. Ресницы затрепетали, щекоча кожу, я решил, что приснилось нечто, однако веки поднялись, открывая чистые глаза небесно-голубого цвета.

– Спи, – шепнул я.

Она счастливо улыбнулась.

– Ну как я могу спать, когда мой повелитель проснулся?

Она чмокнула меня в щеку, поцелуй был чист и свеж, словно поцеловал ребенок, впервые в жизни не возникло желания тайком вытереть щеку.

Я замедленно выполз из постели, а она, одевшись не по-женски быстро, вызвала слуг и продиктовала, что подать на завтрак.

К моему замешательству, принесли именно то, что я хотел бы сожрать, откуда только и знает мои вкусы...

В завершение завтрака выпили по чашке крепчайшего кофе. Лоралея выглядит еще больше посвежевшей, лицо разрумянилось, глаза счастливо сияют, как две утренние звезды, губы еще ярче и сочнее.

– Мой лорд, – сказала она щебечуще, – не забудьте, что вчера прибыла большая группа каменщиков из Ясперса. Лучше с ними переговорить лично, потому что их возглавляет сам мастер Моавит, он возводил собор в Фоссано! Теперь туда идут все паломники полюбоваться и помолиться, ибо в красивом месте и Господь к людям ближе.

– Ага, – пробормотал я обалдело, – ну да... если так... Обязательно!

– Все остальное лучше оставить вашим помощникам, – прошептала она, поглядывая на меня хитро и весело поверх чашки. – А вас ничто не будет отвлекать от вашего тоннеля.

Я вскрикнул:

– Откуда ты все это знаешь?

Она удивилась:

– Так даже слуги говорят обо всем!

– Они о всякой фигне больше говорят, – пробормотал я совсем ошалело. – Что с них возьмешь.

Она возразила:

– Из множества слухов всегда можно отобрать нужное!

Через крепость прошли уже три каравана, два из них доверху нагружены всякими висюльками и колокольчиками для знатных и богатых дур, Лоралея наверняка о них слышала, но из всей информации выбрала только то, что в самом деле важно для меня.

Отставив чашку, я вскочил, поцеловал ее в щеку и сказал торопливо:

– Да-да, ты права!.. Побегу, нельзя заставлять таких мастеров ждать слишком долго. А потом... ага, да, тоннель... Рыть, рыть...

Я выскочил, забыв закрыть за собой дверь, на это есть стражники в коридоре, в голове ураган сшибающихся мыслей, из которых каждая считает себя самой умной и требует, чтоб послушались именно ее, потому что все остальные – дураки и дуры.

Как там один вопит обиженно: женился на красивой – оказалась умной! А здесь и красивая бесподобно, и... умная? Нет, тут мало просто ума. Что за сверхъестественное чутье, что мне нужно, как быстро она сумела понять мои цели и сообразить, что именно нужно для их достижения?

Глава 10

Полдня я занимался крепостью, пока это только скелет, вернее, панцирь, очень крепкий и надежный, но из-за его величины работы еще много. Я принимал прибывающих строителей, сам выдавал аванс, так выглядит внушительнее, часть работников сразу отправил к Хребту.

К обеду вернулся в покои, Лоралея уже сменила одежду, я хлопнул себя по лбу, дурак, хотел же позаботиться, ее узлы остались в Кнаттервиле, но, к счастью, как-то выкрутилась, не обременяя меня такими досадными мелочами.

Сегодня у нее на лбу серебряный обруч и висюльки по бокам, опускаются, закрывая уши почти до плеч. Благородный блеск серебра на лбу перекликается с блеском в ее глазах, по-детски чистых и ликующих.

– Прекрасное платье, – сказал я смущенно. – Здорово смотрится... Леди Лоралея, если понадобится что, только напомните!

– Все в порядке, – ответила она смеющимся голосом, – не обращайтесь на такие пустяки!

– Леди Лоралея, – спросил я, – вы пообедаете со мной?

Она ответила вопросом на вопрос:

– А вы хотите?

– Конечно! – вырвалось у меня.

Она тихо засмеялась:

– Но если мой муж и повелитель так желает, кто смеет воспротивиться?

Я на секунду запнулся, услышав, что я муж и повелитель, но тут же чувство гордости и удовольствия накрыло с головой, как морская волна.

Нет ничего более приятного, если женщина гордится тобой и с радостью выполняет твои желания, потому что ты – лучший, ты лучше знаешь, что надо и как надо. И не скрывает перед другими, что все твои желания выполняет с превеликим удовольствием.

Она улыбалась, поглядывая на меня поверх чашки с кофе. Глаза сияют, щеки слегка порозовели, словно ее смущает мое внимание. Тепло, что разливается в моей груди, начало распространяться по всему телу.

Я ощутил себя свежим, полным сил, но сердце сладко заныло. Я с ужасом понял, что хочу схватить ее в объятия прямо сейчас, во время обеда, не дожидаясь ночи.

– Вам нравится это печенье? – спросила она.

– Вы пекли? – спросил я.

Она покачала головой.

– Нет, но проследила, чтобы испекли по рецепту моей бабушки.

– Ваша бабушка была сластена.

– Еще какая, – подтвердила она, улыбаясь. – Я тоже люблю сладкое. И не понимаю, почему некоторые даже травяные чаи пьют без сахара.

– Я тоже не понимаю, – пробормотал я. – Что-то я вообще многого не понимаю... ой, меня ждут, надо бежать!

Она проводила меня несколько удивленным взглядом, а я, теряя достоинство гротеска, суетливо подхватился и выбежал за дверь. Уже там, в коридоре трясущимися пальцами пригладил волосы, выровнял шаг и постарался выпрямить спину.

Что-то со мной происходит непонятное. Я вроде бы начинаю терять голову. Ну, еще не совсем, но какие-то позорящие настоящего мужчину сдвиги есть. Первый сдвиг – все время думаю об этой женщине.

Мужчина, что вот так часто думает о женщине или о женщинах вообще, – не заслуживает высокого звания мужчины. Это так, бабник, юбочник, чтобы не сказать жестче: грузчики выражаются откровеннее, зато точнее и образнее.

Сегодня же отправлю ее куда-нить подальше. Нет, завтра утром. Правда, ночью моя воля ослабеет еще больше...

Вечером мне пришла в голову гениальная идея, как переоборудовать повозку, превращая ее в «карету», нечто пока неизвестное местным мастерам.

Я начертил эскиз кареты и дал старшине.

– Вот здесь и здесь, понял?.. А вот тут для кучера... Нет, сюда не вещи, а пару слуг на запятки. Это так и называется, «запятки». Если, конечно, ехать недалеко. А то заморятся стоять, заснут и попадают... С лесенкой нефиг бегать, надо стационарную из железа. Ступеньки можно из дерева, но основу – из хорошей стали... Чтоб и легкая, и прочная...

Я знал, что требую, и уже через три дня столяры и колесники начали срывать передо мной шляпы уже не как перед лордом, а как перед великим мастером.

Кузнецы еще ковали и перековывали рессоры, зато колесных дел мастер все понял, пришел в восторг и сам торопил их и объяснял, дуракам таким, как надо и что надо.

Леди Лоралея от такого подарка пришла в восторг, в первый же день совершила круг по крепости, выявила несколько мелких недостатков, сама объяснила, что и как исправить.

Я заметил, что работники и ее слушают очень внимательно и уважительно. Лоралея никогда не задирает нос и не кичится, со всеми разговаривает, как с равными, а с этими работниками выказала себя тоже очень даже понимающей и знающей толк в их ремесле.

Потом она велела объехать вокруг крепости, я встревожился, но виду не подал, однако велел выделить охрану. И хотя понятно, что к имуществу грессграфа протянуть лапу – это протянуть ноги, но пусть ни у кого даже мысли такой не возникает.

Лоралея охрана вряд ли понравилась, хотя виду не подала. Возможно, подумала, что я подозреваю, чтоб не убежала к тем лордам, которые так дрались за нее.

Я подозвал сэра Норберта.

– К вам необычная просьба...

– Я выполню любой ваш приказ, – отчеканил он.

– Это просьба, – сказал я смущенно, – а никакой не приказ.

– Слушаю вас, сэр Ричард!

– Вы помните, из-за чего вспыхнула война между сэром де Марком и сэром Арлингом?

Он коротко усмехнулся.

– И все мы также помним, как просто вы устранили причину вражды.

– Да, но теперь эта причина здесь, в крепости. Сэр Норберт, я очень не хотел бы, чтобы кто-то попытался выкрасть ее и отсюда. Как уже была попытка увезти ее из замка Кнаттервиль.

Он посерьезнел.

– Располагайте мною, сэр Ричард! Я понимаю, у вас ничего личного. Только забота о благе Армландии.

– Да-да, – сказал я торопливо. – Если ее украдут, снова вспыхнет война... Ну, пусть даже не война, не те времена, но я не хотел бы, чтобы между лордами начались какие-то раздоры. Я полагаю, что рыцари должны погибать только на службе Отечеству.

Он сказал очень серьезно:

– За веру и за Отечество, вы очень хорошо сказали, сэр Ричард! Я обеспечу ей самую надежную охрану.

Я сказал почти просительно:

– Только надо это сделать так, чтобы даже она ее не видела!

– Почему? – спросил он. – Все всегда довольны, потому что охрана – это прежде всего престиж, статус!

– Да, конечно, но... Я все думаю, а вдруг ее попытаются похитить даже отсюда? Увидят охрану – удвоят осторожность. А так они сразу и попадутся вашим людям.

Он подумал, посмотрел на меня с уважением.

– Да, так лучше. Хотя я не верю, что кто-то настолько безумен, чтобы пытаться украсть у вас женщину, но... я буду охранять ее скрытно.

– Спасибо, сэр Норберт!

Мы расстались, я подумал, что тоже не считаю, будто какой-то сумасшедший рискнет что-то украсть у меня, грозного гроссграфа, тем более – женщину, за такое оскорбление всегда только смерть. И все эти предосторожности даже не для леди Лоралеи, а для себя, чтобы не дергаться в тревоге.

Отец Дитрих, совсем забыв о своих обязанностях и священника, и Великого Инквизитора, все дни напролет проводит в типографии, превратившись в помесь мастера с надсмотрщиком.

Я спустился в подвал, вкусно пахнет типографской краской и просвещением, а работающие с прессом священники почти неотличимы от плотников.

Благословил отец Дитрих рассеянно, при этом поглядывал поверх моей головы на работающих и едва сдерживался, как мне показалось, чтобы не покрикивать на недотеп, которые все делают не так.

– Хорошо у вас, – вздохнул я.

– Благодаря вам, – ответил он серьезно. – Сэр Ричард, что-то случилось?

– Да ничего...

Он посмотрел на меня уже внимательно, глаза стали строгими.

– Вы в смятении, сэр Ричард. Говорите, священникам доверяют все. Даже преступники.

Я сказал с тоской:

– Да лучше быть преступником. Зато все ясно. Я сам не знаю, что со мной, отец Дитрих. Может быть, вы скажете?

– Что тебя тревожит?

– Как паладин, – проговорил я с трудом, все-таки не люблю говорить неправду, тем более хорошим людям, – я защищен от магии... Так я думал раньше. Но теперь я чувствую, что у меня совсем нет защиты! Я весь в огне. Надо об Отечестве думать – мы ж мужчины! – а у меня все мысли о том, как вот вернусь, как ее увижу, как она меня встретит...

Он смотрел устало, в глазах проступила и тут же исчезла, как будто устыдилась и спряталась за непроницаемый занавес, странная тоска.

– Сэр Ричард...

– Да, отец Дитрих?

– Нет никакой магии, – произнес он мягко. Уточнил: – Со стороны леди Лоралеи, если вы имеете в виду ее. Она чиста, как голубь.

Я стукнул себя кулаком в бок.

– Но почему я так безумствую? Наполеон сказал, а я это себе все время повторяю, что государственный деятель должен избегать любовных утех, как мореплаватель – рифов!

– Верно сказал.

– А я сам навстречу им прущу, как лось весной...

Он покачал головой.

– Нет, сын мой. От Лоралеи нет тебе вреда.

– Как же нет?

– А вот нет, – ответил он настойчиво. – От нее только чистота и ласка. И поддержка. Поддержка во всем.

Я сжал кулаки, кожа на костяшках пальцев побелела.

– Это вижу, но... что со мной? Это же чары, да? Магия? Наваждение? Где моя голова, где мой разум?

Он произнес негромко:

– Необычное, да? Однако не тревожься. Ликуй, сын мой. Ты встретил настоящую женщину. Может быть, впервые?

Я впери́л в него требовательный взгляд.

– Это... как?

– Настоящая женщина, – произнес он четко, – верная женщина. Все остальные – подделки.

Глава 11

Я шел к донжону, повторяя про себя эти странные слова. Настоящая женщина – верная. Все остальные – подделки. Странно, как-то больше оперируем такими значениями, как умная или красивая, богатая или бедная, добрая или злая, еще знаем, что женщины в массе своей всегда брешут, часто плачут, капризничают, чего-то требуют и так далее и тому подобное, хотя где-то в глубине подсознания живет и эта далеко запрятанная и практически недостижимая мечта о верной женщине.

Приближался вечер, я с такой интенсивностью представлял наш ужин с Лоралеей, а потом ночь, с такой страстью желал, чтобы время ускорилося, что сжал кулаки и позвал громко:

– Бобик! Ко мне, морда!

Морда на лапах прибежала, в глазах изумление: что, куда-то едем? И меня берете?

– Едем, – подтвердил я. – Иди зови Зайчика.

Конюхи изумились еще больше, куда же на ночь глядя, я едва не ответил, что куда угодно, лишь бы подальше от этого искушения, где моя стойкость пошатнулась в моих же глазах, где уже не чувствую себя незыблемой скалой, крутым мордоворотом и вообще пупом мироздания.

Зайчика вывели из конюшни, начали седлать, стараясь то нацепить дорожную узду с золотыми накладками, то укрыть его нарядной попоной, достойной гротеска, но я велел убрать, не люблю попугаистости, пусть буду выглядеть небритым героем. Так даже лучше, зато выделяюсь на фоне пышно и ярко разодетых лордов. И церковь, кстати, одобряет мой вкус, усматривая в нем не то христианское смирение, не то опять же христианское равнодушие к богатству, что мне очень даже на руку.

Когда Зайчика подвели ко мне, еще раз напомнив, что уже вот закат, куда же ехать на ночь, через проем ворот крепости вошла большая группа плохо одетых людей. Мужчины впереди, десятка два женщин, дети в середине. В пыли даже лица, на всех лежит печать странствий, обувь истрепана, кто-то вообще бос, все худые и жилистые, даже дети.

Старший, сразу определив гротеска даже по моей неприметной одежде, что ему в заслугу, перенаправил весь отряд, и за несколько шагов все опустились на колени.

– Ваша светлость, – заговорил старший сильным голосом прирожденного вожака, – мы беженцы. Просим приютить нас на землях Армландии.

Я собирался уже вступить в разговор, многое надо выяснить, но ехидный голос напомнил, что это просто отговорка, не решаюсь признаться даже себе, что ищу повод остаться.

Озлившись, я поймал взглядом барона Альбрехта, он направляется в нашу сторону, сказал властно:

– Барон, займитесь. К сожалению, неотложные и срочные дела требуют моего присутствия у Хребта.

Альбрехт кивнул.

– Не беспокойтесь, сэр Ричард. Здесь все будет в порядке. Решайте там и побыстрее возвращайтесь.

Я вскочил в седло, Бобик бросился к воротам, Зайчик настобурчил уши и переступал нервно, готовый броситься в погоню. За моей спиной барон спросил требовательным голосом:

– Кто вы и почему сбежали от господина?

Из типографии вышли двое молодых священников, остановились на пороге, хватая широко раскрытыми ртами свежий вечерний воздух. Я увидел, как оба уставились с любопытством на новых людей и на меня, готового к отъезду.

– Барон, – сказал я, поворачиваясь в седле, – сперва уточните, что хотят эти люди.

Альбрехт удивился:

– Зачем, мой лорд?

– Сказано в святом Писании, – напомнил я, – тех, кто просит одежду, подвергают расспрашиванию, прежде чем дадут ее. Тех же, кто просит еды, – не спрашивают ни о чем.

Барон кисло поморщился, но смолчал. Против Писания не попрешь, а я, как политик, научился вовремя выдергивать из него нужные цитаты и подкреплять свою позицию. Мол, мы тут с Богом заодно, так что потише там, мелочь всякая.

– Разберитесь, – велел я, – но примите в любом случае. Во-первых, мы должны демонстрировать христианские ценности милосердия и гостеприимства. Во-вторых, политику открытых дверей. В-третьих, это добавочные рабочие руки... В-четвертых, нам это даже выгоднее, чем им. Если обдумаете со всех сторон, увидите.

Барон проговорил с некоторым неудовольствием:

– Но если это беглые...

– От хорошей жизни не бегут, – напомнил я. – Вспомните, Ромул и Рем построили город и объявили, что принимают в него даже беглых рабов. И всякий, переступивший ворота Рима, становился свободным!.. Соседей это возмутило, но где теперь те соседи? А слава святейшего Рима сияет еще ярче, чем во времена дремучего язычества!

Я пустил Зайчика к воротам, мельком отметив внимательно слушающих священников. Надышавшись, вернутся в типографию и расскажут отцу Дитриху об увиденном. Еще одна подпорка моей шаткой репутации, потому что для с высоты небес нет беглых рабов, свободных ремесленников и всемогущих лордов – все люди, все человеки, и все равны перед Богом.

Едва выметнулись из ворот крепости, навстречу надвинулся холодный дождь, настоящий осенний. Небо в тучах, будто весна без всякого перехода превратилась в осень, унылую и грязную. Ветер промозглый, отвратительный, я вжимался в гриву Зайчика и торопил проскочить эту гнусную область.

Затем темная земля мгновенно зазеленела, свет стал радостно алый, на плечи обрушился не столько зной, сколько ласковая теплынь. Солнце уже наполовину за вершинами гор, а воздух перед закатом всегда теплый, напоенный запахами земли, травы и пыли.

Черные тучи остались за спиной, небосвод очистился и грозно заблистал кровавым пурпуром, напоминая о величии Господа. Бобик появился, облепленный грязью от кончиков лап до макушки, но уперся всеми четырьмя, чтобы не улететь, мощно потряс всем телом, так что уши захлопали, будто целая стая взлетающих гусей, и сразу заблистал чистой черной шерстью, блестящей и здоровой.

Впереди река, слева по берегу две башни и скромный домик, я направил было Зайчика к берегу, там широкая песчаная коса тянется почти до противоположного берега, он заржал и замедлил шаг.

– Давай быстрее, – сказал я с досадой, – но не слишком, а то могут увидеть с башен. А мы с тобой скромные, верно?

Зайчик вздохнул и начал спускаться. До песчаной полосы оставалось не больше пяти шагов, как вдруг озноб пробежал по телу, Зайчик сделал еще два шага, озноб превратился в холод, я инстинктивно натянул повод. Зайчик, как мне показалось, остановился с великой готовностью.

Река выглядит, как обычная река, такую в солнечный день лучи пронизывают до неглубокого дна, видишь суетящихся у берега мальков, а коса так и вовсе выглядит как из золотого песка: глубина по щиколотку. Конечно, я повидал здесь и особые реки: одни сносят любые мосты даже в тихую погоду, другие по ночам заполняются хищными гадами, а с утра снова безопасны, есть реки с почти кипящей водой, есть ядовитые, и вообще есть всякие, но те и выглядят как-то иначе, а эта река, как река, ничего необычного, только холод промораживает так, что начинают стучать зубы.

Зайчик вздрогнул, уши задвигались, я сам уловил странный усиливающийся шелест. Еще не поняв, что это, я поспешно повернул коня от воды.

– Уходим!.. Бобик, не отставай!

Песчаная коса вздулась, выгнулась блестящим от воды горбом. Начал подниматься некий чудовищный зверь. Страшный рев, от которого задрожала земля, с силой ударил меня уже в спину. Зайчик пошел не галопом, а сразу немислимым карьером, на мои плечи обрушилось мокрое и влажное. Я вжался в конскую гриву и кричал, чтобы Зайчик не спал на ходу.

Потом он без команды остановился, я в страхе оглянулся, на зубах скрипит, из складок одежды посыпался мокрый песок. Далеко над рекой колыхается нечто, похожее на смерч из загустевшей крови.

На фоне докрасна раскаленных громад в небе он почти теряется, я с дрожью видел его громадность, чувствовал ужасающую мощь.

– Что за... – сказал я дрожащим голосом, – на своей же земле!.. Вот так ходи и бойсь?.. Не-е-ет, я когда-то доберусь до этих непотребств... даже раньше, чем подниму вэвэпэ!

Бобик часто дышит, глаза такие же багровые, как весь этот ужас, только Зайчик уже успокоился, убравшись подальше, однако уши подрагивают.

– Переправимся в другом месте, – решил я. – С разгону, чтобы охнуть не успели... Да не мы, а эти гады...

Высыпали звезды, когда я увидел огни трех костров, а через несколько минут, сбавляя скорость Зайчика, подъехал к баракам. Еще издали услышал металлический грохот, это в камень забивают стальные клинья, потом увидел голые до пояса мускулистые тела, покрытые потом, пылью и мелкой каменной крошкой.

Меня не ждали, но человек десять размахивают кирками и молотами, хорошо, люди стараются заработать.

Ко мне заспешили двое от костра, я бросил им повод, появился мастер Маргулер, отвесил поясной поклон.

– Ваша светлость, какие-нибудь новые указания?

– Никаких пока, – заверил я. – Вижу, работы идут. Хорошо. Насколько углубились?

– Всего на семь шагов, – сказал он виновато. – Скала больно твердая. Что-то мы प्रदेशили...

– Да, – согласился я. – Так и должно быть. Твердая, в смысле.

– Непохожа, – продолжил он с тяжелым вздохом, – на остальные... Сплошной камень, что удивительно! Нигде ни единой трещинки. Нет ни одной глыбы, которые вы изволили видеть за баракон, которую удалось бы вытащить не откалывая от массива... Так что работа оказалась труднее, чем мы представляли...

Я насторожился.

– Это ты к чему?

– Добавить надо...

Голос его был просительный, но я чувствовал, камнерубы уже поговаривают, что их надули.

– Хорошо, – заверил я, – малость добавлю. Но учти, там дальше пойдет уже рыхлый камень. Нужно будет только грузить на телеги и вывозить. Так что оплату могу еще и снизить.

Он сказал с сомнением:

– Рыхлый? Знаю по опыту, что чем дальше, тем камень плотнее.

– Здесь будет иначе, – сообщил я уверенно. – Чем вас тут кормят?

– Мы сами закупаем продукты, – объяснил он. – У нас артель, лишних денег не тратим.

– Но жрать надо хорошо, – сообщил я им новость. – А то на работе попадаете. Пойдем к котлу, я перекушу с вами. Так спешил, что в крепости даже не поужинал.

Он был в шоке, видно по лицу, но лишь проговорил смиренно:

– Неужто ваша светлость будет есть из одного котла с простыми каменотесами?

– Увидишь, – пообещал я. – Вообще, я сегодня заночую здесь! Чтоб, значит, ближе к народу. Заодно и проникнусь вашим духом, всех на чистую воду выведу.

Маргулер отшатнулся.

– Ваша милость... Да у нас и переночевать негде такой высокой светлости! Так, мужики одни...

– Ну вот и хорошо, – ответил я. – Женское общество разнеживает.

Глава 12

У камнерубов я пробыл двое суток. Не потому, что нашел себе дело, просто трусливая, если честно, попытка отгородиться от Лоралеи десятками миль расстояния.

И, конечно, пара дней для того, чтобы постараться забить голову делами, делами, делами... И когда пустился в обратный путь, старался думать о Тоннеле, даже о Великом Тоннеле, который откроет такие исполинские и широкие перспективы, что сейчас даже их все не могу просчитать. Действую, скорее, по правилу: ввязаться в драку поскорее, а там видно будет...

На горизонте грозно и величественно заблестала крепость, похожая на выточенный из янтаря сказочный домик. Я перевел дыхание, здесь тоже куча дел, нужно за все браться самому... и только сейчас ощутил, что не осталось впечатлений от строительства тоннеля. Только потные спины, груды каменных глыб по обе стороны от черного входа в каменную стену, да жидкий суп с бараниной...

Янтарная крепость вырастала с каждой минутой, мы неслись через встречный ураган, я увидел наконец, насколько она огромна, настоящий горный массив с широкими трещинами, отгородившими стены от главного дворца.

Народу за двое суток прибавилось чуть ли не вдвое. На подводах беспрестанно везут горы битой дичи, мешки с зерном и мукой, окорока, это в объемные подвалы, дефы постарались, во двор загоняют скот на убой, плотники уже поставили несколько строений для вспомогательных работ, а столяры во дворе вытесывают достойную такого дворца мебель.

Меня встретили радостными воплями, я с подозрением прислушался, но, к моему удивлению, кричат довольно искренне. Как-то странно услышать в адрес власти доброе слово, тьфу-тьфу, подольше бы так...

Я отдал повод Зайчика конюхам, Бобик умчался проверять меню на кухне, я посмотрел на окна своих покоев, там Лоралея... Мимо прошмыгнул священник из тех, что прибыли с Великим Инквизитором, я ухватил его за плечо.

– Погоди, брат. Отец Дитрих где сейчас?

Он посмотрел с сочувствием в мое взволнованное и, боюсь, смятенное лицо.

– Он занят... Если нужна помощь, я обучен. Могу принять исповедь, могу снять душевные муки...

– Молод ищщо, – ответил я грубо, злой, что по мне видно мое состояние, – гроссграфов исповедовать. Дораста хотя бы до епископа. А лучше – до архиепископа.

Он потупил взор.

– Прости, брат. Мне показалось, что душа твоя очень беспокойна, и очень захотел помочь... Прости.

– Да ладно. Где отец Дитрих?

Он кивнул в сторону одинокой башни.

– Он там в подвале.

Я удивился.

– А что там интересного?

Священник взглянул с укором.

– Работа... Ваша светлость поощряет алхимиков да еретиков, а отец Дитрих их уничтожает.

– Гм, – пробормотал я. – какое-то недоразумение... Пойду посмотрю.

Священник сказал мне вдогонку:

– Туда нельзя! Там священная инквизиция!

– У нас светское государство, – отрезал я. – А хозяин в нем, по праву развитой демократии, я один.

Дверь от моего пинка распахнулась с треском. Я так торопился в подвал, видимо – пыточный, что едва не покатился по стертым ступенькам. Снизу тянет дымком и сладковатым запахом горелого мяса.

На стенах заплясали багровые отблески, я торопливо обогнул угол, перед глазами распахнулся во всей мерзости отвратительный пыточный подвал: на стенах железные крюки и клещи, в широкой жаровне груды пурпурных углей, суровый мужик накаляет до вишневого цвета металлический прут, а отец Дитрих спиной ко мне склонился над растянутой на дыбе женщиной и что-то спрашивает негромким требовательным голосом.

Он обернулся на стук моих сапог, глаза его перехватили мой взгляд, на губах появилась горькая усмешка.

– Не нравится, сэр Ричард?.. Но кто-то эту работу должен делать... Идите сюда, послушайте...

Деревянными шагами, сдерживая негодование, я подошел к дыбе. Женщина средних лет, худая и очень некрасивая, руки туго перехвачены толстой веревкой, что наматывается на ворот, ноги закреплены за лодыжки такой же толстой веревкой, ею бы корабли удерживать...

Она повернула голову в мою сторону, лицо перекривилось в злобной гримасе.

– Ух какой красавчик... Я не одного такого соблазнила, а потом положила его печень и сердце на алтарь своему великому и благородному господину Везельвулу...

Отец Дитрих сказал невесело:

– Крестьяне давно жаловались, но только вчера удалось поймать с поличным. Выкрала ребенка...

Женщина дико захохотала:

– Ты дурак, священник! А может, я хотела его усыновить и воспитать хорошим человеком, ха-ха?..

– У родителей нельзя красть детей, – произнес отец Дитрих кротко. – В любом случае.

– А если родители – дураки? – крикнула женщина. – А я могла бы воспитать умного и красивого?

Отец Дитрих спросил:

– А где те пятеро детей, которых ты выкрала раньше?..

– Докажи, – крикнула она. – Их могли волки унести! Родители-то нерадивые...

– Могли, – согласился отец Дитрих. – И родители в самом деле нерадивые. Но ты не отрицаешь, что заманивала колдовским зельем молодых мужчин, тешилась ими, а потом убивала?

– Я приносила их в жертву, – возразила она, – а не просто убивала! Приносить в жертву можно и нужно. Это не преступление, а награда, дурак!

Я наконец разлепил смерзшиеся губы:

– Сколько мужчин ты убила?

Она захохотала.

– Не помню. Десять или пятнадцать – какая разница? Ты должен радоваться, красавчик.

– Чему?

– Тебе больше баб достанется.

– Хорошая логика, – ответил я. – Отец Дитрих, одно могу сказать, она вполне вменяема, потому может отвечать по всей строгости закона. Одно не пойму, зачем эти пытки? Она же созналась... На костер или просто повесить.

Он взглянул на меня с укором.

– Сэр Ричард, как можно...

– А что, – спросил я зло, – помучить хочется?

Он посмотрел уже не с укором, а с сочувствием.

– Вы хороший человек, сын мой, – произнес он почти тепло, – но я не уверен, что будете хорошим правителем. Вы так многого не знаете... А власть у вас непомерная. Для ваших ли плеч?

Я спросил зло:

– А что не так с этой женщиной? Почему ее нельзя просто казнить, раз вина доказана?

Он покачал головой.

– Вина как раз еще не доказана.

Я в удивлении охнул и развел руками.

– Отец Дитрих, что у вас со слухом? Она только что призналась!

– Ну и что?

– Как что? Казнить и все, – отрезал я, повышая голос. – Нельзя мучить человека просто так.

– Нельзя, – согласился он. – Даже осла нельзя мучить. Даже муху нельзя, сэр Ричард. Тем более убивать без нужды. Вы бы вот ее уже повесили, сэр Ричард, не так ли? А она, возможно, совершенно невиновна! И никого не убивала.

Я смотрел ошалело, спросил тупо:

– А... это... ее признание?

Он грустно улыбнулся.

– Признание под пыткой считается недействительным, сэр Ричард! Как и любые другие, если не подтверждены. Пытка как раз для того, чтобы вынудить дать подтверждение. А казни мы ее, как вы предлагаете, то можем убить невинного человека, а истинная ведьма останется на свободе. И снова будет похищать детей для сатанинских ритуалов...

Я спросил совсем уж тупо:

– Зачем ей брать вину на себя?

– А если истинный убийца, – спросил он, – ее муж, сын или любимая сестренка, которых она готова защитить даже ценой жизни? Такое бывает...

Я охнул:

– Ну... да, такое не пришло в голову. А в чем она должна признаться?

– Где закопаны останки, – пояснил он. – Печень и сердце положила на алтарь, мясо могла бросить собакам... а то и сама съесть, такое случается в их ремесле, но берцовые кости взрослого мужчины даже медведи не сгрызут! Если отыщем, то и мы скажем, что она виновата. А пока только под подозрением.

Я посмотрел на веревку и понял, почему такая толстая: не повредит кости рук и лодыжки.

– Не говорит?

– Упорствует, – ответил он со вздохом.

– Потому что ваши пытки, – сказал я хмуро, – развлечение какое-то, а не пытки. У нас так растягивают, чтобы позвоночник лечить... Попробуйте молотком по пальцам! И боль дикая, и все заживает прекрасно. Не по суставам, конечно, а по ногтям.

Я повернулся и вышел, а мужик с накаленным прутом смотрел мне вслед с громадным уважением. Наверное, вспомнил, как сам попал себе молотком по пальцу.

Выйдя из пыточного подвала, я морщился от яркого света, не сразу понял, кто меня облапил и дружески мнет, как медведь козу. Бернارد, довольный и чуточку даже раздобревший, похлопал меня по спине.

– Рич, народ беспокоится, зря едешь один. Знаешь, не напрасно беспокоится! Дело даже не в тебе...

– Знаю-знаю, – ответил я недовольно, – Аттила помер, и вся держава рухнула. Как и Македонский... Но выборное правление да еще по четыре года всего пока вводить рано. Так что уж трепещите за мою драгоценную жизнь... Как там Асмер?

– Счастлив. Ты ему отдал всех лучников, он с ними с рассвета и до заката. Говорит, ты какие-то особые луки заказал?

– Да, но пока слишком дорого обходятся. Надо организовать производство на месте. Но в этом разве что если ты поможешь, ты ж у нас хозяйственный...

– Если поручишь...

– С удовольствием. Я тебя знаю.

– Возьмусь, – пообещал он. – После Зорра здесь тишь да гладь, хоть ты и плел насчет переднего края борьбы с Югом и Царством Тьмы...

– Все впереди, – пообещал я сурово. – И очень скоро, Бернард! Скорее, чем хотелось бы.

По двору в нашу сторону медленно двигался сэр Карлейль в сопровождении трех своих рыцарей, он еще издали оглядел Бернарда с головы до ног надменно и презрительно. Бернард набычился и посмотрел исподлобья. Кулаки его начали медленно сжиматься. Рыцари виконта остановились и тоже начали рассматривать Бернарда, как если бы увидели прирученного и в человеческой одежде тролля.

– Сэр Бернард, – произнес виконт с величайшей тщательностью, словно шел по узкой тропке, стараясь не наступить на кишачих крайне вонючих жуков, – сэр Бернард... а позволительно ли мне будет спросить...

Бернард буркнул, видя, что все взоры обращены на него:

– Ну... спрашивайте...

Сэр Карлейль улыбнулся светло, даже брови приподнял в удивлении, мол, оно еще и разговаривает, поклонился и спросил с еще большей учтивостью и опасливой осторожностью:

– У вас, видимо, очень знатные в роду полководцы... если вот так фамильярно хлопаете по спине гроссграфа Армландии?

Бернард стиснул челюсти, желваки выпятились под кожей, похожие на стальные кастеты, но с ответом замешкался, слов на свете много, и выбрать из них трудно, в то время как удар в челюсть, удар в нос или просто в рыло...

Я увидел, что сейчас это произойдет, – мне это ни к чему, сэр Карлейль пользуется влиянием, – сказал:

– Ах, виконт, вы прямо в точку!

Он изумился:

– В самом деле? Я не знал, что у этого человека знатные предки...

– Не совсем так, – пояснил я. – Великий род сэра Бернарда на нем как раз только и начинается! Согласитесь, быть стволом дерева, даже корнями, намного почетнее, чем просто веточкой или листком на генеалогическом дереве!

Бернард разжал кулаки, я перехватил его благодарный взгляд, мол, я ответил за него куда лучше, чем он смог бы сам, даже продумывая ответ всю оставшуюся жизнь. Правда, сам вид его по-прежнему говорил, что если его великий род только начинается, то род виконта на нем и закончится. И прямо сейчас.

Виконт бледно улыбнулся, Бернарду не уступит ни отвагой, ни силой, да и к схватке всегда готов, но ощутил, что победа по очкам пока за Бернардом, а начинать ссору в невыгодной для себя ситуации глупо.

– Что ж, – сказал он с сомнением, – надеюсь, скоро у нас будет возможность убедиться, насколько сэр Бернард заслуживает стать основателем рода... ха-ха!

Он поклонился мне, они прошли мимо, Бернард угрюмо сопел и зло смотрел вслед.

– Спасибо, Рич, – проговорил он, не поворачиваясь ко мне. – Ты знаешь, я всегда был туговат на ответы. У нас Асмер остер на язык, Ланзерот умеет ответить, но не я...

– Пустяки, – сказал я. – Народ в крепость стягивается со всех сторон разный. Вот приедет еще маркиз Ангелхейм, известный бретер, обязательно напросится на драку.

– И что с ним делать? Убить?

– Подраться малость, – посоветовал я, – без этого никак, потом пригласить выпить. И у вас одним приятелем будет больше.

Он захохотал.

– Я такое люблю! Это как раз по мне!

– Я рад, – сказал я с облегчением, – что ты так быстро перестал хмуриться.

Глава 13

Занавеска колыхнулась на одном из окон моих покоев, по телу пробежала сладкая дрожь. Не смотрю же туда вовсе, почему замечаю, что со мной, но уже надо идти, все причины задержаться исчерпал...

Взгляд мой упал на новых не то странников, не то паломников: все почему-то на мулах, только две лошади, да и те под вьюками. Ехали издали, лица измождены, пыль покрыла потные лица так плотно, что выглядят земляными масками.

Я охнул, плечи мои передернулись, словно я голым выскочил под холодный дождь. В середине прибывших странников восседает на крупном муле очень худой человек в серой сутане, которого я меньше всего хотел бы видеть. И, честно говоря, которого с превеликим удовольствием предпочел бы утопить, чем впустить в свою крепость.

Но ворот в моей крепости еще нет, точнее – есть, но еще лежат на земле, плотники безуспешно пытаются вбить между каменными блоками стальные крюки. Пока еще не сообразили, что отдельных камней нет, а вся крепость вместе с опоясывающей стеной и даже каменное основание, по которому ходим и ездим – одно целое.

Из донжона уже спешил Растер, довольный и улыбающийся, но затормозил и с тревогой взгляделся в мое лицо.

– Что случилось, – спросил он испуганно, – сэр Ричард? Вы переменились в лице... Как будто призрак убитого вами дракона увидели!

– Хуже, – ответил я горько.

– Что может быть хуже?... А-а, два дракона?

Я вздохнул.

– Да нет, хуже всяких драконов гости. Надо идти встречать...

– Пошлите барона Альбрехта, – предложил он. – Скользкий, как вьюн! Много слов наговорит и ничего не скажет.

– Увы, – ответил я тяжело, – это ко мне... лично.

Растер смотрел с недоумением, как я пошел навстречу невзрачному и очень худому священнику. Я держался величественно и надменно, это на всякий случай, хотя для этого гостя нет авторитетов, он императора будет обличать с тем же жаром, как и пьяного дровосека, избившего жену.

Отец Ульфилла слез с мула, ему помогли два монаха. Я ощутил оторопь, всматриваясь в его худое лицо. Еще в прошлый раз я изумился, как он из крохотного деревенского попа быстро превратился, благодаря бешеной энергии и самоотдаче, в человека, который сосредоточил в руках власть над огромной областью и даже учредил местный суд инквизиции. Самое неприятное, что его поддерживают массы простого народа, он выступает с гневными обличениями богатых и сильных мира сего, а народ такое обожает.

Сейчас он еще больше исхудал, глаза ввалились, скулы торчат, от всей фигуры веет неистовством и страстью, а во взгляде горит мрачная решимость борьбы до конца.

Люди, с которыми ехал отец Ульфилла, торопливо и, как мне показалось, с огромным облегчением разошлись во все стороны, оставив священника возле его мула. Думаю, постараются остановиться для ночлега в дальнем конце крепости, чтоб даже не видеть этого злобного попа.

Я шел медленно и царственно, всматриваясь в священника и стараясь сразу настроить себя на покровительственный тон, да так, чтобы и Ульфилла его принял.

Он выглядит, как будто только что вышел из тюремного застенка. Худой, изможденный, с голодным блеском глаз и яростным нетерпением во всем облике. Первый раз, когда я увидел его, он показался похожим на толстого шарпея, настолько морда вся в жирных складках, что

наползали одна на другую и вздымались лоснящимися валиками, а сам отец Ульфилла походил на неопрятный стог сена. Я тогда еще, сейчас вспомнить стыдно, строго посоветовал ему не о милосердии разглагольствовать, а заняться «своим прямым делом: ведьм жечь и топить в озерах, еретиков изобличать, дыбу апгрейдить, а то стыд какой, а не дыба...»

И вот, можно сказать, с моей легкой руки отец Ульфилла и начал ведьм жечь, еретиков изобличать... начав с меня. Нет, конечно, не я подтолкнул к такой фанатичности, нечего себе приписывать такие заслуги. Он проявил мужество, вовсе не считая это мужеством, а лишь своим долгом, еще во времена рыцаря Галантлара, который продал душу дьяволу. Тогда местный священник был зверски убит, на его место тут же бесстрашно пришел другой из ближайшего села, но его в замке выпотрошили живьем... уже не люди, как мне тогда сказали кратко. Третьим был Ульфилла, тоже сельский, он пытался так же пройти в замок, но его отшвыривал колдовской ветер с длинного и тонкого моста, что ведет к замку Галантлара через пропасть.

И лишь когда я одолел Галантлара, Ульфилла сумел пройти в замок. Увиденное ужаснуло до такой степени, что из мирного сельского толстячка, больше озабоченного своим обедом, чем обедней, он превратился в яростного борца с дьяволом и его войском. А дьявол – это не орки и тролли, дьявол в нас самих, он это все больше понимает и борется со все возрастающим рвением малограмотного и невежественного человека, впервые увидевшего и ужаснувшегося глубине падения существа, сотворенного самим Господом Богом...

Когда я видел его в последний раз, в одиночку ворочающего глыбы гранита в каменоломне, он уже был худой и жилистый, злой, желчный и непримиримый до такой степени, что я отступил позорно, отдав ему даже больше, чем тот хотел. Сейчас же он выглядит еще негибее, злее и решительнее.

– Отец Ульфилла! – сказал я радостно. – Как вы вовремя!.. А мы как раз ведьме кости ломаем! Вот радость для вас какая... Придете счастливо любоваться на зрелище? Это рядом, вон в том подвале!

Он взглянул на меня исподлобья. На лице отразилось отвращение, свято уверен, что мой рост и ширина плеч – могила не только уму, но и духовности.

– Чему радоваться? – спросил он неприятно скрипучим голосом. – Только Сатана ликует, когда люди людей мучают и убивают... А люди такому радоваться не должны.

Я опешил.

– Но ведь... ведьма...

– Ведьму надо сжечь, – сказал он с неприязнью, – но не ликуя, а скорбя!.. Человек погибает, какая тут радость?

– Но ведьма, – возразил я. – Как-то вы неправильно, отец Ульфилла!.. Ведьм надо жечь, вы сказали верно. Вы будете дровишки в костер подбрасывать?.. Если ее приговорят к сожжению?.. Или камень на шею собственноручно привяжете, если святейшая инквизиция решит утопить... чтоб, значит, тоже милосердно и без пролития крови?.. Что привело вас в наши пенальти?

– Пенаты, – поправил он язвительно, даже не подумав, что поправлять лорда – невежливо. Даже опасно, учитывая, что приехал к этому лорду с каким-то делом. – Мы начали строительство монастыря.

– Только начали? – изумился я.

Он сказал раздраженно:

– А что, должны были закончить?

Я перекрестился и сказал значительно:

– А вот я на пустом месте возвел во славу Господа эту крепость! Отец Дитрих, Верховный Инквизитор, освятил место, где мы собрались строить, а потом и саму крепость... И, благодаря Божьей помощи, крепость была выстроена за одну ночь!.. Ангелы на небесах всю ночь пели и звезды двигали.

– Что? – переспросил он. – За ночь?

– За одну ночь, – повторил я с удовольствием, – под пение ангелов и ночную радугу, которую Господь повесил в ознаменование, да... Впрочем, здесь передний край борьбы со Врагом, помощь святых сил нужнее, так что они всегда здесь.

Он буркнул:

– Здесь борьба просто заметнее. Но когда зараза проникает вглубь христианских земель, а она проникает, она там опаснее во сто крат!.. Болезнь нужно останавливать, когда разъедает кожу, а не печень. Монастырь выстроен почти наполовину, но там уже живут монахи и начинают заниматься книгами...

– Кстати, – прервал я, – о птичках... Я имею в виду, птичек Божьих, это я так вспомнил о книгах. Пойдемте, я покажу нечто особенное...

Он посмотрел на меня исподлобья.

– Опять что-то сатанинское?

– Вы сами определите, отец Ульфилла, – ответил я скромно.

Мои рыцари с удивлением наблюдали, как я веду невзрачного священника в огромное помещение, где мы расположили типографию. Одни видели в этом мое ревностное почитание церкви, мол, даже рядового священника провожаю лично, выказывая уважение Господу, другие решили, что я заподозрил шпиона и сам его проверяю, но на самом деле я трусил перед неистовством Ульфиллы и спешил побыстрее доказать, что я свой, христианин, более того – ревностный.

В большом зале пахнет типографской краской, столярным клеем, стучат топоры и молотки: плотники и столяры приступили к сборке второго печатного станка. На телеге привезли огромное колесо с торчащими спицами, похожее на штурвал.

Отец Ульфилла сразу же начал надуваться, как бык при виде красной тряпки, лицо налилось багровым, начал медленно, но все убыстряя темп и повышая голос:

– Что за дьявольское сооружение!.. Слышу запахи ада...

– Стоп-стоп! – прервал я. – Отец Ульфилла, не выплесните, как сказано в Священном Писании, вместе с водой и ребенка! Сперва осмотрите сами...

Он замолчал, но, судя по сдвинутым бровям, напряженно перелистывал мысленно Библию, пытаясь найти такое выражение, вообще-то очень удачное, а к нам навстречу заспешил маг Филициус, который теперь именуется только ученым-естествоиспытателем.

Я издал крик:

– Книгу!

Филициус тут же повернулся и тоже крикнул в глубь помещения:

– Тернер, книгу!..

Отец Ульфилла злобно озирался исподлобья, вид как у бультерьера, который ищет, кого бы укусить, да чтоб побольнее.

Молодой помощник Филициуса примчался, держа перед собой толстый и тяжелый том Библии. Он покраснел от натуги, глаза навывкате, руки дрожат, книга весит под два пудика, торопливо смотрел, кому вручить.

Я указал на Ульфиллу.

– Вот святой отец ознакомится с великим интересом.

Тернер поспешно сунул ему тяжеленный том. Ульфилла от неожиданности едва не выронил, покраснел еще больше, это же святотатство – уронить на пол такую книгу, напрягся от макушки до пят. Я указал на свободный в двух шагах стол.

– Отец Ульфилла, положите сюда. Кстати, у меня идея... Мастер Филициус, отец Ульфилла, как истинный специалист, ознакомится с нашей совместной работой... во славу Хри-

ста, понятно, мы ведь все делаем только в его славу, иначе на хрен вообще жить... ага, ознакомится и подыщет места, где расположить иллюстрации...

Филициус воскликнул:

– Иллюстрации? Но... как?

– Гравюры, – сообщил я. – Ах, вы не знаете, что такое гравюры?.. Ладно, научу. Гравюры на досках – самое то, что не умею, но научу, научу... Учить – не самому учиться.

Он спросил в панике:

– Но тогда доски... переделывать? Нет, их переделать невозможно... Придется выбросить?

– Зачем? – удивился я. – Будут просто разные издания! Одно для простых: виконтов, баронов и графов, а другое, что с иллюстрациями, – для гроссграфов, королей и императоров. Несколько штук отпечатаем для особо важных даров. Послы их получают для ведения сложных переговоров, сулящих большие экономические выгоды. Вроде бы и не взятка, а так... приобщение варваров к культурным ценностям Армландии!

Разговаривая, мы поглядывали искоса на Ульфиллу, тот с опасением, будто брал в руки ядовитую змею, перевернул толстую обложку: тонкую деревянную пластину в тщательно выделанной коже, разрисованной золотыми узорами. Пока он осторожно брал листки бумаги и перекладывал на другую сторону, явно выискивая несоответствия, что могут означать только ересь и даже служение дьяволу, мастер Филициус быстро оглянулся на работающих, сделал какие-то быстрые знаки. Двое опустили головы и, оставив работу, тихонько скрылись из типографии.

Я сказал с важностью:

– В Священном Писании сказано: из-за одной лишней или недостающей буквы в книге мир может быть разрушен. Не так ли, отец Ульфилла?

Он кивнул с настороженностью.

– Так.

– Мы только сейчас, – сказал я с пафосом, – избавляемся от этой угрозы! С переписыванием книг закончено! Больше не будут малограмотные писцы делать ошибки, а то и вставлять свои идиотские комментарии.

Он спросил с еще большей настороженностью:

– Что? Вы перешли в лагерь дьявола уже открыто?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.